

В безопасности
твоих
объятий

On aime se retrouver
au cœur d'un bon film.

МЕЛОДИ
ЭНН

Способен ли калифорнийский саженец выжить в глубоком снегу Монтаны? В своей эротической рождественской истории Мелоди Энн, автор бестселлеров по версии «Нью-Йорк Таймс» и «Америки сегодня», разбивает лёд между сексуальным пожарным и свежеиспечённой учительницей.

Натали Дункан взволнована, получив первую учительскую работу, но после Южной Калифорнии оказывается не готовой ни к зиме в Монтане, ни к шикарному начальнику местной пожарной охраны Хоуку Винчестеру. Для человека, посвятившего себя тушению огня, Хоук слишком хорошо знает, как подбавить в жизнь Натали жара, что особенно хорошо у него получается, когда он выручает её из неловких ситуаций. Столь сильный и умелый мужчина, конечно, хорошо понимает, что надо делать, застигнув даму под ветками омелы. И внезапно унылое Рождество превращается для Натали в Рождество, полное обжигающей страсти.

Мелоди Энн
В БЕЗОПАСНОСТИ ТВОИХ ОБЪЯТИЙ

ПРОЛОГ

— Кто бы мог подумать, что Эдна вот так уедет?

— А чего ты ожидала, Вефиль? Она внученьке понадобилась, — ответила Айлин.

— Знаю, знаю. Только совсем скоро рождественское представление. Как мы без неё? — вздохнула Вефиль.

— Да, конечно, но неужели вы не понимаете, какую это открывает возможность?

Обе женщины повернулись к своей подруге Мэгги, улыбавшейся от уха до уха. Всем трём было приблизительно по шестьдесят, но их точного возраста не знал никто: эту тайну они охраняли надёжней, чем Форт-Нокс золотой резерв США.

— Что ты имеешь в виду? — в один голос воскликнули Эдна с Вефилью.

— К нам в город приезжает не так много новых людей, — начала Мэгги. — А Хоук слишком долго ходит в холостяках. Вот мой малыш Брайсон давно нашёл жену и остепенился, пора бы и второму сыну сделать то же самое.

— О, Мэгги, мне нравится ход твоих мыслей! — поняв, воскликнула Вефиль. Глаза у неё буквально загорелись.

— Итак, нам надо просто найти учительницу, причём подходящую, — хихикнула Айлин.

— Да, да, да, — затрещала Вефиль. — Как же хорошо, что я вхожу в школьный совет. Теперь поиск замены Эдне ляжет на наши плечи.

— А соискательницы прикладывают к резюме фотографии? — поинтересовалась Мэгги.

— Ещё бы! — Айлин открыла ноутбук. — Может, привлечём Мартина? — тихо предложила она и слегка покраснела.

Вефиль с Мэгги знали: между их подругой и местным бизнесменом Мартином Уитманом что-то происходит, но вытягивать из Айлин подробности не собирались.

— Привлечём... как-нибудь, — ответила Вефиль. — Но не сейчас. Мы ищем девушку Хоуку, а у Мартина самого четверо холостых сыновей, и он наверняка попытается её умыкнуть.

— Что ж, тогда подыщем не одну, а сразу нескольких девушек, чтоб хватило и его упрямым сынкам, — подала голос Мэгги.

— Давайте всё же заниматься ребятами по одному, — предложила Вефиль, всегда отличавшаяся здравомыслием. — И потом, я уже вынашиваю план свести одного из Уитманов со своей внучкой Сейдж. Только пусть сначала закончит учиться на доктора...

— Вот так новость. — Глаза Мэгги изумлённо распахнулись.

— Ладно, к делу, — просматривая резюме, одёрнула подруг Вефиль. — Смотрите-ка, а вот, похоже, и победительница!

Две другие женщины заглянули ей через плечо, и вся троица дружно улыбнулась. Некая Натали Дункан как раз искала работу учителя младших классов.

— Похоже, ты права, — одобрила выбор Мэгги.

Бедняжка Натали! Знала бы она, что её ждёт...

Цокая высокими каблуками по кафельному полу аэропорта, Натали Дункан с улыбкой закинула в рот поцелуйчик «Хершис». Первая работа учительницей! Мечта сбылась. Четыре года в колледже, тысячи часов занятий и ещё больше часов волонтерской работы, затем стажировка учителем в прекрасной начальной школе солнечного Лос-Анджелеса, и, вот, наконец, он — долгожданный звонок.

Конечно, сейчас ноябрь, и, конечно же, ей позвонили исключительно потому, что предыдущему учителю пришлось срочно покинуть штат по семейным обстоятельствам, но настроение у Натали всё равно было приподнятое. Школа обратилась именно к ней. И именно она в понедельник утром перешагнёт порог собственного класса.

Маленький городок Стерлинг в штате Монтана не совсем то место, где хотелось бы начать карьеру, зато тут предлагают обожаемую работу учительницы. И это лишь первый камень лестницы к успеху.

Совершенно не замечая взглядов, которые мужчины бросали на её ладную синюю юбку-карандаш и десятисантиметровые каблуки, Натали летела вперёд. Её миниатюрная фигурка, огненно-рыжие волосы, зелёные глаза и полные губки были словно созданы для того, чтобы мужские головы оборачивались вслед. Впрочем, сама она внимания противоположного пола не искала. У неё были планы. Цели. Мужчинам же отводилось место где-то в конце списка её жизненных приоритетов. В конце концов, ей было всего двадцать три. Сначала работа. Замужество и семья потом.

Подумав о собственной жизни лет через пятнадцать, она улыбнулась. Воображение рисовало белый дощатый забор и мальчика с девочкой, жарким погожим днём они бегали под оросителем, в то время как она сама сидела рядом с мужем и наслаждалась достигнутым.

Натали, витая мыслями в розовом будущем, шагнула за двери аэропорта в приятном волнении, но приклеенная к её губам улыбка тотчас угасла от пощёчины колкого монтанского ветра.

— Что за?..

Голос прозвучал сдавленно. Из лёгких словно выкачали воздух, и все силы уходили на то, чтобы восстановить дыхание.

Она родилась и выросла в Южной Калифорнии и оказалась совершенно неготовой к подобной погоде. К тому же, получив работу, девушка так разволновалась, что даже не поинтересовалась климатом, в котором предстоит жить.

Эх, дура, дура, дурёха.

Натали забежала обратно в аэропорт и втянула в замёрзшие лёгкие тёплого воздуха.

— Ладно. Ты справишься. — Она смерила убийственным взглядом свою совершенно не соответствующую погоде обувь. — Каблуки? И чем я только думала?

Каблуки и сексуальное нижнее белье были для Натали единственной уступкой стремлению заявить о своей женственности. А так она носила телесные и тёмные тона, приглушая то, чем одарила её природа.

Вскинув голову, Натали принялась изучать прохожих. Ни туфель на каблуках, ни юбок. Куда там. На всех были тёплые сапоги, толстые пальто и брюки. Она бросила полный отвращения взгляд на свои чемоданы, понимая, что волей-неволей придётся потратить часть

драгоценных сбережений на более тёплую одежду.

Натали вытащила из сумки с поклажей самый тёплый пиджак. Толка от него будет немного, но лучше хоть что-то, чем ничего. Зря она не поинтересовалась погодой в Монтане.

Она снова направилась к дверям, испепеляя их таким ненавидящим взглядом, как будто это врата в ад, сделала глубокий вдох и вышла на улицу.

Стоило оказаться снаружи, как глаза заслезились, и всё тело пробил озноб, но усилием воли Натали потащила себя к дороге. К счастью, у обочины как раз поджидало такси. Опасаясь, что больше никогда не отогреется, она сообщила водителю адрес предоставленного школой домика и съёжилась на заднем сиденье.

Жители Стерлинга ещё до приезда проявили к ней невероятную доброту. Например, женщина по имени Вефиль почти даром продала маленькую «тойоту-седан», сразу избавив от одной из забот. Автомобиль должен был дожидаться на подъездной дорожке у дома. Сначала она планировала обустроиться новом месте, а затем поехать по городу и надеялась, что тут чистят дороги. Новая машинка особого доверия не внушала, а на грузовичок или внедорожник наскрести она не смогла.

Витая в облаках, Натали рассеянно смотрела на пролетавшие за окном такси бесконечные белые просторы.

— Похоже, Хоук подъехал показать вам дом.

Натали, встрепенувшись, подняла голову и в зеркальце заднего вида поймала взгляд водителя.

— А?

Одним из наихудших недостатков Натали, по крайней мере, по её собственному мнению, была склонность глубоко уходить в себя, забывая про остальной мир.

Живое воображение — преимущество, когда работаешь с малышами, но, когда надо поддерживать нормальный разговор с другими взрослыми, — не совсем. Какая же она жалкая личность! Ведёт настолько серую жизнь, что большую часть времени не вылезает из мира грёз. Впрочем, скоро всё изменится. Теперь она учительница. Профессионалка!

Вытащив из сумки маленькую записную книжку, Натали обратилась к списку, написанному чётким красивым почерком. В нём значились все её жизненные цели, и она с огромным удовольствием отметила галочкой пункт «получить первую настоящую работу учителя». Конечно, не все пункты этого списка удастся осуществить с такой же лёгкостью.

— Привет, Микки. Как доехали? — спросил хриплый мужской голос.

Ну и ну! Когда Натали подняла глаза и увидела, какой мужчина опирается на её такси, она словно примёрзла к сиденью. И вовсе не из-за холодного воздуха, хлынувшего в открывшееся окно. Широкие как у полузащитника плечи одетого в тёплую куртку незнакомца словно заняли собой всё пространство. Он был темноволосым, немного вихрастым, с пронзительными карими глазами и бесконечно длинными ресницами.

А губы, губы какие! Полные, изогнутые в зажигательной улыбке.

Глубокий подтрунивающий над таксистом голос настолько заморозил Натали, что она понятия не имела, о чем речь. Из-за него к животу словно шли какие-то неправильные сигналы, и внутри сладко замирало.

Внезапно дверца распахнулась, и незнакомец оказался прямо перед Натали. Он что-то проговорил, протягивая руку, но из-за звона в ушах ничего услышать не удалось.

Чушь!

И ещё какая! Любовь с первого взгляда — выдумка, даже страсть, и та с первого взгляда

не вспыхивает. Так что смотреть на этого мужчину, словно на дольку любимого шоколада, было глупее некуда.

Она женщина-профессионал, а это лишь минутная слабость. Мужчина просто предложил помочь выбраться из такси. Всего-то. Она справится. Как ни в чём не бывало примет его руку, вежливо поблагодарит и скроется в доме. Пустячок.

Однако только её обнажённая ладонь и его рука в перчатке соприкоснулись, как всё тело охватило приятное покалывание. И всё же каким-то чудом ей удалось грациозно выбраться из машины, но тут их взгляды встретились в первый раз, и Натали стало затягивать в другое измерение.

— Хоук Винчестер.

Мгновением спустя до неё дошло, что он назвал своё имя. Спустя ещё одно мгновение Натали заметила его опасно суженные глаза и поджатые губы. Он больше не улыбался. Похоже, это внезапное притяжение привело в замешательство не только её.

Ещё никогда между ней и незнакомцами не проскакивала искра. Ещё никогда ей не хотелось сорвать одежду перед другим человеком и наплевать на все прелюдии, не важно цивилизованные или нет. Она же Натали Дункан, невинная и сексуально зажатая школьная учительница. Та самая Натали, которая сидела в библиотеке, пока её сверстники развлекались на вечеринках. Ни один мужчина не вызывал у неё похотливых мыслей. Ни один!

Ну да, в колледже были кое-какие потуги на секс — телодвижения, не больше. Но такой остроты чувств, как сейчас, при взгляде Хоука, она не испытывала никогда. Пока этот незнакомец удерживает её взгляд, ей не стряхнуть иррациональное видение двух тел, сплетённых в безудержной страсти. И это плохо. Очень плохо.

Впрочем, не обязательно. Этот человек просто по-соседски решил провести её до нового дома. Больше они не увидятся. С глаз долой — из сердца вон, верно?

Верно.

— Натали Дункан.

Наконец-то вернулся голос. Выдернув руку, Натали зашагала по расчищенной тропинке к крыльцу. Пусть поклажей занимаются мужчины. Вряд ли у неё получится умирить дрожь в руках настолько, чтобы взять один из чемоданов.

И вдруг шпильки поехали по обледеневшей дорожке, и она почувствовала, что сейчас поскользнётся.

— Подожди! — окликнул низкий голос Хоука.

Слишком поздно. Каблук попал в зазор между досками крыльца. Руки Натали взлетели, замахав, словно крылья ветряной мельницы, и она поняла, что падает на спину.

Зажмурившись, она приготовилась к неприятному падению в мерзкий снег, но вместо этого оказалась в крепких руках, прижатой к ещё более крепкой груди. Открывать глаза было боязно, и она украдкой метнула взгляд из-под густых ресниц.

И зря, потому что в глазах Хоука тлел огонь, от которого всё тело охватила слабость. Мужчина не двигался, просто пожирал её взглядом, будто главное блюдо на своём обеде. Да этого типа надо будет избегать любой ценой! Слишком уж отчаянно ей хочется покрыть крошечное расстояние между ними, а это попросту не вписывается в её планы.

Надо просто думать о своём списке. Вся жизнь распланирована наперёд: школа — есть, профессия — есть, десять лет усердной работы — пока без галочки. А великолепный мужчина, который сейчас держит её в объятьях, среди пунктов просто не значится.

— Что ж, Натали, я только рад, если красавицы падают прямо в мои объятия.

Глаза у него поблёскивали, губы растянулись в плотоядной самоуверенной ухмылке.

Бабник! Вот он кто. Знает, что достаточно хорош собой, и надеется после пары слов получить приглашение зайти. Только она и прежде не велась на мужское обаяние, а сейчас тем более к этому не расположена, так как промёрзла, не в духе и не на шутку рассердилась оттого, что оказалась в столь уязвимом положении.

— Благодарю, что не дали упасть, но уже можете стереть с лица это самодовольное выражение и отпустить меня.

Голос Натали был строг, в глазах — что угодно, только не готовность к соитию, и, к её удовлетворению, улыбку на лице Хоука вскоре сменила растерянность.

Однако он быстро пришёл в себя.

— Хм, необычная реакция на мои объятия.

— Ну, а я не обычная женщина.

Он отпустил её так же быстро, как поймал, и Натали чуть было не упала снова, но удержала равновесие, схватившись за обледеневшие перила. Она уже поднялась на несколько ступенек, когда таксист поставил её чемоданы у двери.

Поблагодарив, она расплатилась и повернулась к Хоуку, почему-то державшему ключ от её дома.

— Как уже говорил, я Хоук Винчестер, — спокойно сказал он. — Местный начальник пожарной охраны и... ваш арендодатель.

Вот дерьмо!

Натали отбросила опасения и протянула руку за ключом. Чёрт, хоть бы он уронил его ей в ладонь без физического контакта. Естественно, об этом не стоило и мечтать. Хоук зажал ключ у неё в пальцах, его пыльные глаза снова перехватили её взгляд.

— Очень скоро я вас навещу, — пообещал он и пошёл прочь, оставив Натали дрожать на крыльце.

Она смотрела, как он уходит: походка плавная, движения уверенные. Затем, не дожидаясь, пока он дойдёт до тротуара, покачала головой и повернулась к двери. Пальцы тряслись так сильно, что замок удалось открыть только спустя несколько попыток. Да, пребывание в Монтане, похоже, обещало быть не таким пустячком, как думалось вначале.

Что-то не так, вынырнув из глубин сна, поняла Натали. Мёрз нос. Одной рукой она натянула на голову одеяла, второй — поднялась к лицу.

Чёрт, нос на ощупь совсем как сосулька. Да что такое с этим домом?

Ну уж нет, она не вылезет из этой дурацкой кровати. Озноб пробирает даже под пятью одеялами. В чём дело? Когда она укладывалась спать, со старым камином всё было в порядке.

И вообще, как долго она проспала? Натали нашарила на прикроватном столике часы. Ничего себе, уже почти одиннадцать. Конечно, она совсем разбита, но дел слишком много, хватит валяться в постели.

Решившись ещё раз опробовать температуру, она откинула одеяла. Ох! Тело сразу обдало холодным воздухом, кожу покрыли гигантские пупырышки, волосы на вершине каждой из них встали дыбом. Снова спрятавшись под одеяла, Натали свернулась клубком и постаралась унять слёзы.

И тут, к несчастью, её мочевого пузыря действительно потребовал облегчения.

Прошло ещё минут пять, но, в конце концов, она уговорила себя на пробежку до единственной в домике ванной, отбросила одеяла и метнулась туда. Крутанула до отказа горячую воду, чтобы напустить пар, и торопливо приступила к каждодневной утренней рутине, не обращая внимания на дрожь, которая сотрясала тело. Наконец вода в душе достигла приемлемой температуры, и Натали смогла встать под струи.

Только целых две минуты спустя окоченевшие руки и ноги Натали начали отогреваться. А после душа она понежилась в паре, который уже заполнил маленькое помещение. Почти обсохнув, Натали задумчиво посмотрела на дверь в остальную часть дома.

— Идти туда — словно к тысяче змей, но выбора нет, надо, — пробормотала она и засмеялась над самой собой. — Глупо!

Завернувшись в полотенце, она глубоко вдохнула для храбрости и открыла дверь. Ой. Скверно, ожидания не обманули. Натали стремглав бросилась в спальню, прямоком к комоду. Надев бельё, что оказалось совсем не простым делом, так как тело дрожало сильнее одинокого листа на осеннем ветру, Натали отыскала свои самые тёплые шерстяные штаны.

Затем последовали четыре футболки, свитер и пиджак, который не пожелал застёгиваться поверх хитроумных многослойных одежд. Единственные туфли совершенно не соответствовали погоде, и теперь Натали казнила себя за глупость. Её пальчики отмёрзнут и отвалятся прежде, чем она покончит с этим приключением в Монтане.

Как только на ней оказалось всё, что только можно, Натали прошла к сломавшемуся камину, бывшему в действительности просто электрообогревателем разрекламированной модели. Не зная, что делать, она с силой шлёпнула по кожиху ладонью и стала, сотрясаясь от холода, ждать чуда.

Ничего не произошло.

— Ладно. Время отправляться за покупками.

Натали бы в жизни не поверила, что однажды станет носить безнадёжно непривлекательное длинное бельё, но, чёрт, лучше ей было к нему привыкнуть, если она

собиралась пережить зиму в Монтане. Даже цвет не имел значения, лишь бы тепло.

Выбежав наружу, она окинула взглядом свой «новенький» автомобиль, маленькую синюю «тойоту», которую выпустили, наверно, ещё в эпоху Плейстоцена[1]. Лучшие дни машины явно прошли, зато она принадлежала Натали, в салоне работал обогреватель, и в тот миг для неё не было ничего более прекрасного, чем тёплый воздух, который подует из вентиляционных отверстий. На то, чтобы обогреватель заработал в полную силу, старой куче металлолома понадобилось минут пять, и всё же, как только в лицо пахнуло теплом, Натали довольно улыбнулась.

— Не так уж и плохо, — пробормотала она. Тут ей пришла мысль, что, пожалуй, она многовато разговаривает сама с собой. — Ну и ладно.

Когда Натали въехала в почти смехотворно крошечный городок, её удивило отсутствие транспорта. Улицы словно вымерли. В чём дело? Казалось бы, здешний народ уже давно привык ездить по заметённым улицам, тем не менее на дорогах не было никого, только большие снегоуборочные комбайны чистили улицы.

У знака «стоп» она ударила по тормозам, и в мгновение ока всё пошло кувырком. Хотя Натали всё упорней давила на педаль — чёрт, да она по ней прямо таки топала — машина не откликалась, а меж тем прямо впереди нарисовался огромный чёрный грузовик.

— Нет. Нет. Нет!

Как же. Без толку. «Тойота» так и не затормозила, и Натали врезалась этой громадной машине в зад. И хотя скорость её крошки не достигала даже двадцати пяти километров в час, у неё не было никаких шансов выжить.

«Тойота» зашла под бампер грузовика. Крышу помяло, из пробитого радиатора шёл пар. При ударе Натали толкнуло вперёд, но подушки безопасности почему-то не сработали, и она больно стукнулась лбом о рулевое колесо.

Будь оно всё проклято! Машина ещё даже не застрахована! Что теперь, черт возьми, делать?

Навернулись слёзы, но, сморгнув их усилием воли, которую закалили тяжёлые времена, Натали вышла из некогда исправного автомобиля. Что ж, по крайней мере, сама она почти не пострадала: всего несколько синяков и огромная вмятина в гордости. Осталось молиться, чтобы основные повреждения пришлись на долю её машины, а не грузовика.

— Ты какого хрена делаешь на дороге? Не способна даже на такую мелочь, как остановиться на большой красный знак! Решила, сегодня подходящий день протаранить совершенно незнакомого тебе человека?

Натали захлестнула ярость, глаза её пылали. На неё наступал Хоук Винчестер, чьё лицо превратилось в сердитую маску.

— Ну да. Только что научилась водить и подумала: эй, какого чёрта, прокачусь-ка с ветерком по этому крошечному городку, а потом снесу знак «стоп» и угроблю машину об уродливый зад грузовика какого-нибудь идиота!

Конечно, потом она, возможно, пожалеет о собственной вспыльчивости, но сейчас готова рвать и метать в забавно детском приступе гнева. Слишком много всего приключилось за последние полсуток, и так вышло, что авария — лишь сахарная наледь-глазурь на и без того очень замёрзшем пироге. По крайней мере, ярость помогает скрыть, как ей холодно. Ничто так не согревает кровь, как возможность выплеснуть эмоции.

— Ты чего в такую погоду едешь на машине без цепей?

— Как тебе хорошо известно, я здесь только со вчерашнего вечера, и у меня не было времени купить цепи. Впрочем, не твоё дело!

— Что ж, шла бы тогда пешком. Хотя, ходить в такой нелепой обуви, как на тебе — это всё равно что напрашиваться на неприятности.

Натали и раньше была не в самом лучшем расположении духа, но презрительный взгляд Хоука вызвал у неё желание избить этого нахала. Никогда, ни разу ей не хотелось собрать пальцы в кулак и как следует кому-нибудь врезать, но в этот миг подмывало поступить именно так.

Увы, пальцы замёрзли и собраться в кулак не могли.

— Такого напыщенного эгоиста, как ты, ещё поискать надо. — Ещё вчера вечером она считала Хоука великолепным, но теперь он казался ей таким же монстром, как его грузовик. — Просто пришли мне счёт за причинённый мною ущерб. — Она развернулась в гнев и всеми силами постаралась достойно удалиться, что оказалось совсем не просто из-за высоких каблуков, гор снега и, самое главное, отсутствия исправного автомобиля. Хватит с неё этого разговора, и хватит дурацкого городка, где в четверг днём с огнём не найдёшь ни одного открытого магазина, будь они все прокляты.

— Ты не имеешь права вот так просто взять и уйти. Мы даже ещё не обменялись сведениями о страховках! — прокричал он, но она уже не слушала.

— Что ж, заяви на меня копам!

Ей чертовски понравился собственный гордый уход, но тут ноги отказались сотрудничать. Шансов устоять и не упасть не было никаких.

— Натали!

На этот раз Хоук её не подхватил. Мгновение назад она гордо его покидала. А теперь всё почернело...

Хоук добежал до Натали в тот самый миг, когда она, ударившись головой о землю, закатила глаза. Проклятье! А вдруг сотрясение? Он поднял её на руки и помчался к грузовику, где остался работать обогреватель.

— Ну же, Натали, давай! Открывай глаза!

Она зашевелилась.

— Что такое? — Её веки затрепетали и вдруг распахнулись полностью. Прямо над нею склонился Хоук.

— Ты упала и ударилась головой, — объяснил он, ощупывая ей лодыжки и запястья.

— Ой!

— Так я и думал. Запястье ты тоже ушибла.

Чёрт! Сегодня День благодарения, и он уже опаздывает. Мать его убьёт.

— Я отвезу тебя к врачу, только отойду на минутку — уберу твою машину с дороги.

Оставив Натали на переднем сиденье грузовика, он поспешил к её «тойоте». Радиатор расплющило, и снова завести эту грудку металла нечего было даже мечтать. Хоук переключился на нейтральную передачу, и, после нескольких попыток найдя ногами сцепление с землей, откатил автомобиль на обочину, а затем вернулся в грузовик. Натали свернулась клубком и дрожала всем телом.

— Порядок. Насчёт машины не волнуйся, — сказал он. — А вот доктору тебя показать стоит.

Он знал, что не очень-то её успокоил. По долгу службы ему часто приходилось успокаивать тех, кто пострадал от несчастного случая, и он не только начальник пожарной охраны, но и очень хороший парамедик. Так почему сейчас его язык внезапно прилип к нёбу?

— У меня всё нормально. Высадил бы ты меня у дома... — попросила она. Спокойствие её голоса настораживало.

— Даже не мечтай.

Не говоря больше ни слова, он завёл грузовик и поехал за город. От врача рукой подать до родителей. Возможно, у дока ему даже перепадёт кусок того сладкого яблочного пирога, что печёт его жена. У неё лучшие пироги в округе, чёрт, а может, и во всей стране, хотя при матери он об этом даже не заикнётся, иначе та выгонит его из-за стола.

Ведя грузовик по заснеженной сельской дороге, Хоук то и дело посматривал на Натали. Он заставлял себя смотреть вперёд, но мысленно возвращался к недавнему разговору с местными любительницами вмешиваться в чужие дела.

«У нас есть идеальный жилец для твоего дома». Казалось бы, первая подсказка, что эта женщина не к добру. Затем позвонила мать, требуя продемонстрировать новой учительнице гостеприимство их маленького городка. Подозрения у него были, но, как видно, недостаточно сильные, так как он всё же согласился сдавать домик.

Что мать со своей лучшей подругой Вефиль задумала, чёрт возьми? Ему что, печь для Натали плюшки с черникой и являться на крыльцо с корзинкой угощения? Нет, это не по нему. И уж, конечно, он не якшается с рыжеволосыми школьными училками со взрывным характером. Ещё чего.

Он любит женщин. То есть именно женщин, во множественном числе. И никогда не

приглашал на свидания таких как эта учительница, которая сейчас прямо таки гладит его против шерсти. Таким нужны серьёзные отношения: достаточно посмотреть на её чопорную одежду.

Он встречается с женщинами только ради одной ночи. Ладно, возможны исключения. Если партнёрша и впрямь что-то собой представляет, ночей может быть две или три. Однако число три как заколдованное. После него отношения катятся под уклон, так что лучше вовремя расставаться.

Вот основная причина, почему он никогда, никогда не встречается с жительницами Стерлинга. Городок слишком маленький, негде убежать и прятаться. И так было несколько ложных вызовов на пожары от вполне ничего таких женщин и, что самое интересное, их матерей с целью просто затащить его в дом. Раз-другой пришлось проявить немного суровости, чтобы впредь такого не происходило.

Последний такой звонок поступил от одной из матерей, которая намеренно подожгла свой мусорный бак. Пришлось отчитывать её с час, рассказывая, какой опасности она подвергла свой дом, семью и домашних питомцев. Но у двери та всё равно украдкой сунула ему в карман телефон дочки.

Ох уж эти женщины! Их не понять.

У дома доктора Холо он припарковал грузовик, стремительно обогнул машину и, подняв Натали на руки, поспешил к двери.

— Хоук, что ты здесь делаешь в День благодарения? Да ещё с такой красавицей?

— Привет, Мейбл. Это Натали Дункан, новая учительница в нашей школе. Сначала мы с ней немного помяли друг другу машины, а затем она упала и ударилась головой. Запястье вроде тоже повреждено.

— Милая вы моя, — ахнула Мейбл. — Не самым лучшим образом вас встретил наш городок.

Занеся в дом, Хоук поставил Натали на ноги, и Мейбл сразу обняла её за плечи.

— Альфред только что расправился с праздничным обедом и готовился к десерту, но, естественно, он сначала позаботится о вас. Хоук, присядь-ка, я принесу тебе пирога, — добавила она и увела Натали.

Принявшись за кусок бесподобного пирога, Хоук почувствовал себя намного лучше.

От раздражения почти не осталось следа. Даже появилась улыбка на губах. Он откинулся на спинку кресла и стал ждать Натали. Однако, когда доктор вернулся с новой учительницей и до Хоука донёлся конец их разговора, эта улыбка погасла.

— Доктор, мне так жаль, что я испортила вам праздник. Совершенно забыла, что сегодня День благодарения.

Хоук не знал, что и думать. Как можно забыть о Дне благодарения? Это же день индейки. Ладно, не только индейки, но и его любимого блюда — пирога. И семьи, и футбола, разумеется. Как можно забыть о таком особенном дне? Разве у Натали нет матери, которой нужно позвонить и поздравить? Семьи, к которой можно поехать?

Конечно, она только что переехала, поэтому пока никого не знает. Но почему она прилетела в четверг, а не в пятницу или, скажем, субботу, чтобы провести День благодарения в кругу своей семьи?

Хоук поймал себя на том, что беспокоится о Натали, хотя знать её не знает. И, само собой, он не желает о ней заботиться. Категорически отказывается заботиться! Уж будьте уверены!

— У неё легкое сотрясение мозга. Ничего серьезного, но я хочу, чтобы сутки за ней приглядывали, — многозначительно посмотрев на Хоука, предупредил доктор.

Проклятье!

— Разумеется, я за ней присмотрю.

— Со мной всё хорошо, честное слово, — переминаясь с ноги на ногу, стала отнекиваться Натали. — Просто подвезите меня до дома.

Натали отказывалась встречаться с Хоуком глазами, так что не заметила испепеляющего взгляда, который он бросил в её сторону, прежде чем опять повернуться к врачу.

— Я возьму её на ужин к родителям и позабочусь, чтобы не оставалась без присмотра.

Наконец подняв глаза, Натали потрясённо посмотрела на Хоука, но он просто повернулся к Мейбл.

— Спасибо за пирог. У тебя он действительно лучший в округе, — поцеловав Мейбл в щёчку, сказал он.

— Заходите в любое время. Для гостей у меня всегда найдётся свежий пирог, — порозовев там, куда пришёлся его поцелуй, ответила она.

— Сами знаете, вас обоих более чем рады приветить и накормить у моей мамы, — сказал Хоук. За столом его родителей всегда сидело несколько приглашённых. Мать с отцом не хотели, чтобы кто-то проводил праздник в одиночестве.

— Через несколько минут я включу матч и сосредоточусь на пищеварении. А это серьёзная работа, — рассмеялся док. — Просто позаботься о моей пациентке, и я буду спокоен.

— Уверяю, за ней хорошо присмотрят, — ведя Натали к входной двери, пообещал Хоук.

— Хороший мальчик, — похвалил док, и Хоук почувствовал себя так, словно должен нагнуться, чтобы тот погладил его по голове, как в детстве, но не стал этого делать, а просто вывел Натали наружу.

В грузовике она повернулась к Хоуку и с беспокойством заглянула ему в глаза.

— Мне правда хорошо, так что можешь просто отвезти меня домой. Обещаю, что не лягу сразу же спать.

Говорила она храбро, но её чуть ли не трясло.

Теперь Хоуку стало ещё любопытней. Почему она так стремится от него сбежать? Конечно, после аварии они вели себя не самым лучшим образом — оба вспылили — однако он отнюдь не чудовище. И не так уж разбушевался. Кроме того, женщины обычно от него не отделяются. Женщины за ним бегают, да. Женщины суют ему свои телефонные номера, тоже большое «да». Но женщина, которая предпочитает в одиночестве страдать от сотрясения мозга вместо того, чтобы провести время с ним? Это что-то новенькое.

— Я пообещал о тебе позаботиться, чем и собираюсь заняться. — Что касается Хоука, для него вопрос был закрыт. — Надеюсь, ты проголодалась, потому что моя мама наготовила вкуснятины.

— Нет. Я не вправе вторгаться в вашу семью, — на одном дыхании возразила она.

— Да что с тобой такое? — Когда она поежилась, Хоука кольнуло чувство вины за то, как прозвучали эти слова, и он решил впредь обращаться с ней с большей обходительностью. — Извини. Знаешь, это всего лишь ужин. Не надо так волноваться.

— Я бы лучше осталась дома, — сложив руки на груди, буркнула она.

— Что ж, здорово.

Итак, обходительности ему хватило на десять секунд. Но он пытался. Это главное, верно?

Решив больше не вступать в разговор, Хоук поехал к двухэтажному раскидистому дому своих родителей. Здание в стиле ранчо окружала половина пастбищ округа.

Мама всё поймёт неправильно, ведь он ещё никогда не приглашал женщин домой, даже ненадолго, тем более на праздник.

Когда Хоук подкатил к дому по длинной подъездной дорожке, сердце его грохотало.

Время приготовиться. И болтать языком быстрее, чем соображает мать, потому что, если та увидит возможность его женить, он, считай, пропал.

Скукожившись на сиденье возле двери огромного грузовика, Натали едва сдерживалась. Всё её тело била дрожь. Она не сможет, не сможет войти в дом к родителям Хоука и вести себя как ни в чём не бывало.

Это слишком ненормально, да она и не знает, где начинается нормально. Всегда была лишь она сама и её мать. Отец бросил их ещё до рождения Натали, и мама больше так и не нашла другого мужчину.

Всё детство они боролись за выживание, вечно не хватало денег, времени побыть вместе. Мама работала на двух работах, чтобы обеспечить им крышу над головой и пищу на столе. Ну, а время, которое они проводили вместе, оно... словами сразу и не опишешь.

Мама вела трудную жизнь и имела полное право на горечь и злость из-за розданных ей карт. Она предостерегала Натали не влюбляться, так как это ведёт лишь к разбитому сердцу, и ни в коем случае не залетать.

Натали не держала на мать зла, решив сохранить о ней пусть даже разрозненные и малочисленные, но исключительно хорошие воспоминания. И пообещала матери, что не успокоится, не согласится в жизни на меньшее, чем заслуживает.

Затем, когда Натали училась на первом курсе колледжа, её мать умерла, и девушке отчаянно хотелось всё бросить, сдаться, но любовь к ней пересилила горе и помогла Натали пережить утрату. Она стала трудиться ещё больше.

Когда они с Хоуком приехали к его родителям, у неё возникло чувство, словно она предаёт мать. Той никогда не выпадало возможности попраздновать, её никогда не привечали в гостях с распростёртыми объятиями.

— Я правда не могу.

Хоук повернулся к ней и пристально посмотрел. Взгляд выводил из себя, казалось, Хоук знает, о чём она сейчас думает.

— Можешь, Натали. Моя семья не кусается.

Его голос звучал мягко, почти ласково.

— Уверена, твои родители не обрадуются незваной гостье, — заметила она. Несомненно, Хоук поймёт её правоту.

Его смех заставил Натали буквально ошетиниться. Ей не нравилось, когда над ней смеются.

— Прости, — заметив её еле сдерживаемый гнев, извинился Хоук. — Я рассмеялся не над тобой. Стоит тебе познакомиться с моей мамой, поймешь, как была не права. Чем больше народу, тем лучше — вот её девиз.

Оставалось либо устроить сцену, либо смириться. Дверь огромного дома распахнулась, и Натали поняла, что ей помогают выйти из грузовика. Повернувшись, она утратила равновесие и упала, ясное дело, прямо в объятия Хоука.

— Кажется, у тебя проблемы с тем, как устоять на ногах, — крепче прижимая её к себе, улыбнулся Хоук. Не успела Натали ответить, как раздался женский голос:

— Ну, думаю, я прощу тебе это неимоверно грубое опоздание.

— Эээ... можешь уже меня отпустить, — почти пропищала Натали.

— Как ни странно, но я не хочу, — неожиданно сказал он.

От этих слов Натали удивлённо вскинула голову. Вёл он себя совершенно

непоследовательно.

— Чёрт, Хоук, хватит лапать девушку, познакомил бы нас с ней что ли.

Натали подняла глаза, выискивая, кто это сказал. На неё смотрело около десятка людей. Как бы так подняться на террасу, чтобы снова не опозориться?

Хоук медленно — неохотно? Она точно не знала — отпустил Натали, но тут же приобнял за поясницу. Натали сделала вид, будто не придаёт жесту значения. Вероятно, так он решил позаботиться, чтобы она больше не падала.

В ближайшем будущем надо купить нормальные сапоги, иначе... Тут её и зареют. В снег.

— Прости за опоздание, мама. В городе мы попали в небольшую аварию. Это Натали Дункан, новая учительница младших классов. А это моя семья, Натали. Людей слишком много, так что даже не пытайся запомнить имена всех, — подмигнув, сказал Хоук.

— Как бы я ни любила своего сына, знаю, он не без греха. Не обращайтесь не него внимания, дорогая, — вызволив Натали из объятий Хоука, сказала крошечная женщина и увлекла её в дом. — Что ж вы так оделись, дитя моё?

А вот это был вопрос часа. Или, пожалуй, последних полутора дней.

— Я... э... оказалась не готовой к здешним холодам.

— Я Мэгги, мать Хоука, и скоро вас со всеми познакомлю. Но сейчас надо подобрать более подходящую одежду. Должно быть, ваши брюки порвались во время аварии, да и эти туфли совершенно не по погоде. — Мэгги так тараторила, что Натали с трудом следила за нитью разговора.

— Я совсем упустила из виду, что сегодня День благодарения, и отправилась искать место, где продают обувь...

Мэгги изумлённо вытаращилась на Натали, и она смущённо затихла... Блин.

— О, милая, — воскликнула Мэгги. — Что ж вы так, забыть о Дне благодарения! Вроде у вас тот же размер, что и у моей дочки Тейлор. Пойдёмте совершим набег на её гардероб.

И Мэгги за руку потащила Натали по широкой лестнице к комнате, на двери которой висела большая табличка с довольно ироничной надписью: «Не входить».

— Какой у вас размер обуви?

— Тридцать шестой. Но право, я могу подождать и до завтра, а там сама куплю что-нибудь подходящее.

Судя по всему, возражения Мэгги не услышала, ибо она уже вовсю копалась в шкафу.

— Ага! Говорила же, что у вас примерно одинаковый размер. Вот угги... новенькие, неношенные, тридцать шестой размер, — победно сказала она. — Я купила их дочке два года назад, но носить то, на чём не стоит бирка «Фокс», Тейлор считает ниже своего достоинства. Она у меня занимается мотокроссом.

— Ваша дочь мотогонщица? — Рот Натали широко открылся от удивления.

— Да, и очень хорошая. Этот День благодарения она встречает вне дома впервые за много лет. Моя девочка пробилась в финал. Её отсутствие разбивает мне сердце, но я понимаю. — Тут Мэгги зашмыгала носом, опровергая собственные слова.

— А вас не пугает её занятие?

— Могло бы, поддайся я страху, — вздохнула Мэгги, — но я так горжусь дочкой. Зато два брата все уши ей прожужжали тем, как небезопасны гонки. Не признают, что опасность лишь подстёгивает Тейлор стать лучшей. Когда-нибудь они поймут, но, боюсь, нескоро, — продолжая вынимать одежду, рассказывала Мэгги.

Стопка становилась всё выше. Натали начала переминаясь с ноги на ногу.

— Всё-таки не стоит мне заимствовать её одежду без разрешения.

— Вздор, милая. Тейлор не возражала бы. Сейчас можете надеть, что выберете, а перед отъездом уложим остальное. — Эта женщина явно была под стать сыну, потому что, не слушая дальнейших возражений, просто вышла из спальни и закрыла за собой дверь.

Внезапно колени Натали подогнулись, и она осела на аккуратно застеленную кровать. Натали так вымоталась. Но не окинуть комнату Тейлор взглядом не смогла. На стенах рядами висели фотографии мотоциклов, а в высоком, до потолка, шкафу виднелось такое множество призов, что Натали не смогла их пересчитать. Очевидно, Тейлор действительно была очень, очень хорошей мотогонщицей.

Зная, что если спустится вниз не переодевшись, Мэгги, скорее всего, заставит её вернуться наверх и переоденет собственноручно, Натали выбрала подходящие джинсы и толстый свитер.

Как только она обула сапоги на меху, пришлось признать, что пальчики усиленно заёрзали, предвкушая тепло. Ладно, возможно, сапоги стоили небольшого чувства вины, испытанного, когда Натали взяла из шкафа вещи незнакомого человека. И, пожалуй, немного сгладили мучительное чувство неловкости оттого, что она, как ни крути, вторглась в эту славную семью.

Хотя мысль, что ей снова придётся предстать перед кучей народа, и не вызвала у Натали восторга, на весь вечер спрятаться в комнате не удалось бы, так что она сделала глубокий вдох и подошла к двери.

Открыв её, она с вскриком отшатнулась. Прямо перед ней стоял Хоук, и он пожирал её таким пылким взглядом, что её пронзила дрожь предвкушения.

Тело охватил жар, и Натали поняла, что желает понять, в чём же дело.

Хоук, уставившись на Натали, стоял в дверях и не мог сдвинуться с места. Она наконец переделалась в одежду, подходящую для холодной погоды в Монтане, но с таким же успехом могла быть и голой, так он на неё вытаращился. Что за власть над ним у этой, в сущности, незнакомки?

Эта женщина засела у него в голове и вызывает чувства, которые он не может понять — чувства, скорее уместные у подростка, а не взрослого мужчины. У него было немало женщин, но ничего хотя бы близкого к настоящему чувству, лишь простой обмен радостями плоти. Впрочем, его это вполне устраивало...

— Ты выглядишь лучше. — Хоука передёрнуло от собственного резкого тона, но, похоже, он был не в силах на него повлиять. Натали испуганно отступила, и он почувствовал себя полным дураком.

— Ээ... спасибо, — потупившись, наконец пробормотала она.

Нет, так не пойдёт. Ему надо заглянуть ей в глаза, надо, чтобы она от него не пряталась, хоть он и не знает почему. Он шагнул к ней и ласково приподнял пальцем её подбородок.

— Прости. Я совсем не то хотел сказать. В смысле, ты, похоже, согрелась, — постарался он смягчить тон. — Как-то у нас с тобой сразу не заладилось. А я ведь не плохой парень. Просто иногда... грубоват.

В ответ глаза Натали расширились, она поспешно отвела взгляд. М-да, не очень-то он её смягчил. Руку лучше убрать. И он уберёт... всего через минутку.

— Ладно, давай просто забудем всё, что случилось с тех пор, как мы увидели друг друга. — Наконец он убрал руку и отошёл, давая себе возможность трезво подумать. — Моя мать отменно готовит. Давай пойдём что-нибудь съедим.

Он протянул ей руку и стал ждать, не подходя ближе из страха спугнуть.

— Звучит неплохо, — наконец согласилась она, неохотно принимая руку.

Выглянув на лестницу, Хоук понял, что все до одного смотрят на них. У некоторых на лицах играли многозначительные улыбки.

— Чудесно выглядишь, Натали, — ахнула Мэгги, подходя к ним с его племянницей у сердца. — Надеюсь, у тебя хороший аппетит, потому что я готовила два дня напролёт. Ладно, буду честна, в этом году больше направляла других, потому что, похоже, не могу спустить внучку с рук.

Натали даже не дали возможности ответить. Собравшиеся на праздничный ужин внезапно её обступили, желая поговорить. Да, его семья и друзья такие. Для них не существует понятия незнакомец, только друг, с которым ещё не встречались.

За столом Хоук обнаружил, что его усадили прямо напротив Натали.

— Откуда ты приехала?

— Я родом из Южной Калифорнии, — после запинки ответила она.

— Там, видимо, теплее, — улыбнулся он своей самой подкупающей улыбкой. Конечно, следовало держаться от Натали подальше, но его поступки не подчинялись велениям разума.

— Ну да. Я ведь не то чтобы дура. Просто не ожидала, что тут так холодно, — нервно хохотнула она, принимая переданную ей большую миску картофеля, и взялась за ложку.

— Я много путешествую, или, по крайней мере, путешествовал. Всегда обожал пляжи Калифорнии. — Ну вот, он может быть дружелюбным и поддерживать с ней нормальный

разговор. Так бы и похлопал себя одобрительно по спинке, если б мог.

— Всегда хотела попутешествовать, наверное, это весело. Может, когда-нибудь, — тихо, почти незаметно вздохнула она.

— Куда бы ты поехала для начала? — Она явно предпочла бы, чтобы её оставили в покое, но Хоуку этого не хотелось, так что он продолжал смотреть на неё и ждать, пока вокруг разговаривали другие.

— В Европу, наверное. Я бы хотела в Венецию, но это глупая мысль, вообще-то.

— Почему это глупая? Чудесная.

— Потому что не практичная.

— Ну, Натали, не всегда же поступать практично. Надо и жить когда-то, и получать удовольствие.

— Некоторые могут себе это позволить, но не я.

Внезапная грусть в глазах Натали всколыхнула в нём любопытство. И он преисполнился решимости узнать её историю, невзирая на опасности, угрожающие спокойствию собственной души.

Однако прежде чем он успел задать очередной вопрос, их прервал отец, а когда Хоук снова повернулся, собираясь вовлечь Натали в разговор, она уже о чём-то беседовала с его братом. Когда Брайсону удалось её насмешить, Хоук почувствовал странный укол ревности. Не знай он, как сильно брат любит жену, пожалуй, пострадал бы и сильнее от яда этого зеленоглазого чудища.

Но в тот самый миг, как эта мысль пришла Хоуку в голову, брат на мгновение повернулся к жене, чтобы украсть поцелуй. Как мило. И вместе с тем несколько отвратительно: Брайсон, его родной брат, так сильно изменился после встречи с Мисти.

— Ну как, Натали, волнуетесь из-за рождественского спектакля?

Хоук заметил, как улыбается Вефиль. И как побледнела Натали перед тем, как её улыбка исчезла.

— Что ещё за спектакль?

— А вы разве не знали, что отвечаете за рождественский спектакль? Здесь это чудесная традиция, — как ни в чём не бывало продолжила Вефиль и отправила в рот толчёный картофель с подливой.

— Нет, мне никто не говорил о спектакле. — Натали чуть ли не задыхалась, её вилка стучала о тарелку.

В разговор вклинилась Айлин:

— Всё настолько хорошо организовано, что вы справитесь без труда.

— Я никогда таким не занималась, — ответила Натали.

— Не волнуйтесь, милая, — ободряюще улыбнулась Мэгги. — У вас есть Хоук, он поможет. Он наш ежегодный добровольный помощник.

Глаза Хоука опасно сузились. Эти женщины совсем отбились от рук.

— Э... э... пожалуй, поговорю об этом с директором в понедельник. Ей было бы много лучше без меня. Пусть это сделает какой-нибудь другой учитель. Кто-то, кто пробыл тут больше, чем один день, — с нервным смехом ответила Натали.

— Глупости, милая. Вы прекрасно подойдёте для этой работы.

И на этом городские любительницы вмешиваться в чужие дела сочли вопрос закрытым. Натали сидела, пытаясь прийти в себя, а разговор тем временем переключился на другую тему. Хоук, вполне довольный таким поворотом событий, наблюдал, как Натали ёрзает в

кресле.

И тут мать глянула на него с лукавой улыбкой. Нет, нет, нет, он вовсе не счастлив. Да, его влечёт к этой женщине, но если в этом городке решили, что смогут его захомутать, то не тут-то было. Однако, затем Хоук снова посмотрел на Натали, она подняла глаза, их взгляды встретились, и комната внезапно исчезла.

Пыл. Жар. Секс. Нет!!!

Взяв мысли в узду, Хоук сосредоточился на славном угощении. Но весь вечер его взгляд то и дело возвращался к Натали, и он понял, что в беде. Как бы он ни остерегался, в особенности учитывая подозрение, что мать с подругами замышляют что-то неладное, тело и добрая часть ума, похоже, отказывались слушаться. Он не мог отвернуться от этой женщины.

Школьный спектакль... работать бок о бок с Натали следующий месяц... не лучшая идея. Далеко не лучшая идея...

Натали крутила в дрожащих пальцах прядь волос. Ничего страшного. Правда, школа удивительно большая для столь маленького городка. Однако это просто средняя школа. Просто место, заполненное детьми. Они не станут её судить. Не станут надеяться, что она оплошает.

Кого она пытается обмануть? Да они поголовно надеются, что она споткнётся о порог и шмякнется ниц. То-то порадуются, смеясь и тыча пальцем, пока она будет подниматься с пола, сгорая от унижения.

Нет. Не надо так думать. Господи, да они всего лишь дети. Впрочем, и она когда-то была всего лишь ребёнком и проказничала ого-го, по крайней мере, в ранние годы. А теперь учит таких же, какой когда-то была сама.

Несомненно лишь одно — она должна быть сильной. Если ученики почувствуют слабость, то набросятся быстрее, чем рой разгневанных ос, и прощай покой в классной комнате навеки.

Отрабатывая дыхательные упражнения, она добралась до администрации и шагнула в двери. Из-за праздника и той скорости, с которой её наняли, Натали ещё не оформилась как следует. Поэтому сегодня Натали пришла рано, зная, что должна подготовить кабинет к уроку до того, как школа откроется для всех и в неё хлынут дети.

— Привет, Натали. Рада познакомиться.

Натали потрясённо вскинула глаза. Ей улыбалась женщина чуть старше её: Дороти Симс, секретарь, как выяснилось при быстром взгляде на её бейдж.

— Доброе утро, мисс Симс. Я пришла встретиться с Кэрол О'Коннор.

Отлично. Голос спокойный, уверенный. Никто и никогда не узнает, что на самом деле она дрожит от страха в этих своих позаимствованных сапогах.

— Да, она вас уже ждёт. Проходите. Очень рады, что вы теперь с нами.

— Спасибо. Я это уже чувствую, — ответила Натали. Удивительно, но она и впрямь почувствовала, что ей тут рады.

Приняв как можно более уверенный вид, Натали подошла к двери директорского кабинета, тихо постучала и переступила порог. За столом, что-то читая с ноутбука, сидела миниатюрная блондинка.

Затем директор подняла глаза, и её лицо расплылось в широкой улыбке.

— Вы, должно быть, Натали, — встав, начала она. — Рада наконец встретиться лично. — Она обошла вокруг стола. — Надеюсь, вы хорошо устроились.

— Да. Отопление вышло из строя, но ремонтники почти тут же починили.

Воспоминание вынудило Натали содрогнуться. После праздничного обеда в День благодарения ей сказали, чтобы в ближайшие сутки даже не мечтала о доме, и Мэгги уговорила её остаться ночевать. В какой-то момент разговора речь зашла об обогревателе, и только она о нём заикнулась, как Хоук тут же вскочил и уехал из дома родителей.

На следующий день, когда он заехал отвезти её домой, она нервничала в его присутствии как никогда раньше. Однако, когда оба оказались у неё, чуть ли не заскакала от счастья, почувствовав тепло.

Похоже, раз уж Хоук за что-то брался, он делал это быстро. Доказательством служило хотя бы то, что всего за одни выходные ему удалось прочно засесть у неё в голове. И, похоже,

там он и намеревался остаться.

Хорошо, что придётся ходить на работу, потому что ей нужно сосредоточиться на чём-то ещё помимо сексуального начальника пожарной охраны, который постоянно крутится рядом. На прошлых выходных она натыкалась на него по меньшей мере четырежды. В магазинчике одежды. На почте. В столовой. Такое чувство, что он повсюду.

— Ну, с неисправным отоплением в такую погоду нельзя, — хохотнула Кэрол. — Вы поселились в старом доме Хоука, верно?

Вопрос мгновенно вернул Натали к действительности.

— Да. Чудесный дом.

— Хоук славный. Несколько ершист, но для тех, кто не безразличен, а это чуть ли не каждый в нашей тесной общине, чего только не сделает. Сердце у него золотое. Была бы я лет на двадцать младше, — вздохнула она и снова повернулась к Натали. — И не будь у меня уже мужа, — вздохнула она со смешком.

Сама не зная почему, Натали залилась румянцем. Пожалуйста, люди, ну неужели у вас нет других тем, кроме как Хоук Винчестер? Ну вот как теперь ответить на это утверждение? Оно так далеко от профессионализма в том смысле, как она его понимает. Впрочем, тут всё по-другому, и ей придётся как-то влиться в общий поток, иначе навсегда останется белой вороной. И всё же, язык прирос к нёбу. Какое счастье, что Кэрол снова начала говорить:

— Я знаю, Натали, это твоя первая учительская работа. Если возникнут вопросы, пожалуйста, не стесняйся, спрашивай меня или других учителей. Дороти — неожиданная находка для школы и твой наилучший источник информации. Она знает всё, то есть всё без преувеличения!

— Спасибо. Один вопрос и правда есть. Мне сказали, я отвечаю за спектакль. Я не жалуюсь, нет, ни капельки, но я тут совсем новичок. Может, лучше поставить кого-то другого?

Вот. Вышло профессионально, а не как жалоба. Или, по крайней мере, она на это очень надеется.

— Чушь. Вы вполне справитесь. — И что касается Кэрол, для неё на этом вопрос был закрыт.

Всё внезапно задвигалось на сверхсветовой скорости.

Кэрол прошла к двери и, продолжая говорить, увела Натали по коридору в одну из классных комнат. За порогом Натали потрясённо вздохнула, обнаружив на школьной доске гигантскую надпись мелом — «Добро пожаловать» от всех своих учеников.

Натали прочла эти милые радушные слова уже после ухода Кэрол, когда осталась одна в своём первом классе. На самом деле ей не хотелось ехать в этот маленький городишко, она всегда мечтала о работе в престижной частной школе, где бы чувствовала, что лепит из учеников будущих президентов и высокоранговых бизнесменов.

Однако, когда Натали смотрела на эту доску, её настолько захлестнули эмоции, что она едва не расплакалась. Не то это было место, где можно почувствовать себя запуганной, где родители станут подкупать, прося поставить своим чадам оценку получше.

Нет, это одна из тех школ, где она найдёт малышей с жадой учиться и родителей, которые попросят показать их домашние задания. Натали вынула мобильный телефон и щёлкнула несколько фотографий на память, после чего тряпкой вытерла доску. Пришло время быть практичной. Отстранённой, спокойной, собранной. Время провести урок согласно плану и окунуться в свой первый день в роли настоящей учительницы.

Только она закончила писать на доске, как прозвенел звонок и коридоры наполнила сладкая музыка детских голосов. Сначала в кабинет ворвался смех, а потом её ученики. С неуверенной улыбкой Натали повернулась к классу — тридцати парам глаз, что глядели на неё в ответ, пытаясь решить, годится она или нет.

— Доброе утро, класс. — Усевшись по местам, дети продолжали шуметь, так что Натали попробовала снова, на этот раз громче: — Доброе утро, класс!

Голоса стихли, головы повернулись, на неё в ответ смотрели любознательные глаза.

— Доброе утро, мисс Дункан.

Натали лучезарно улыбнулась маленькой блондинке в первом ряду.

— Спасибо, что ответила. — Она достала конфету и подбросила пришедшей в восторг малышке. — Сегодня каждый раз за ответ на вопрос или отклик на утверждение вы получите маленький приз.

— Поскольку это мой первый день в вашей школе, думаю, начнём с того, что все вы представьтесь мне, а потом я сделаю то же самое, — сказала она и ощутила прилив уверенности, когда в ответ поднялись три десятка рук. Всего-то и требовался мешок конфеток, чтобы заставить их слушать.

День прошёл в кутерьме забот, и когда прозвенел последний звонок, Натали обессиленно плюхнулась в кресло. Убедившись, что её никто не видит, она подалась назад, оттолкнулась ногами от пола и, придав креслу вращение, закружилась, подтянув колени к груди.

Она всё пережила. Нет, не просто пережила, а провела удивительный день, полный детишек, готовых учиться, и чувствует себя на вершине счастья. С губ Натали слетело довольно хихиканье. Она продолжала кружиться и собиралась остановиться не раньше, чем появится чувство лёгкости в голове и ощущение, что если продолжить, то станет плохо.

— Сдаётся мне, тебе понравилась новая работа.

Натали замерла, но кресло повернулось ещё раз, прежде чем её ноги коснулись земли и она смогла сфокусировать взгляд на входе. Там, прислонившись к косяку, стоял Хоук, и выглядел он чересчур хорошо со своей чертовски сексуальной улыбкой и пылкими глазами, словно созданными для грёз.

Ох, если с этим мужчиной придётся работать каждый день, месяц обещает быть очень, очень долгим. Стоило ему подбавить ваттов в свою улыбку, в желудке словно что-то оборвалось. Да. Месяц однозначно будет долгим.

Лучше уж медленная мучительная пытка, чем такое! Стоило Хоуку задеть рукой Натали в десятый раз за один единственный день, как сердце зачастило снова. Напряжённый, мысли где угодно только не там, где нужно, он быстро ушёл в другой конец спортзала, чувствуя на себе её взгляд.

— Что с тобой?

Обернувшись, Хоук увидел своего лучшего друга Кольта.

— Не твоё собачье дело, — буркнул Хоук.

— Ха! Явно проблемы с женщиной.

— Да что ты знаешь о проблемах с женщинами?

— Я ж прикалываюсь, Хоук. Помнишь, как сам насмехался надо мной в прошлом году, когда Брилле меня мучила?

— Ну, так то ты. Весьма весело было за тобой наблюдать. — Хоук тогда безусловно понаслаждался тем, как отравляет жизнь его другу Брилле Шторм.

— М-да. Что ж, карма та ещё сука, — с недоброй ухмылкой сказал Кольт.

— Кольт, мы в школе, — напомнил Хоук. Обернувшись, он с облегчением отметил, что ни один ребёнок их не слушает. — И вообще, что ты здесь забыл?

— Зашёл скинуть ту зелёную краску, что притарабанил.

— Что ж, ты это уже сделал. Теперь поезжай. — Настроения на гостей у Хоука не было.

— Если пообещаю быть хорошим, расскажешь о своих проблемах?

Какого чёрта!

— Глупая история, Кольт. Я едва знаком с этой женщиной, но ни с того ни с сего потерял способность думать о чём-либо, кроме неё.

Выдохнув, Хоук стал ждать насмешек Кольта.

— Может, тебе просто сводить её куда-нибудь, посмотреть, как у вас всё пойдёт? — сказал Кольт, когда они оба повернулись взглянуть на вышеупомянутую женщину, которая шла по залу с декорациями в руках.

— Нет. Женщины хороши и так далее, в особенности для одного. Однако они и взаимозаменяемы и, что главное, всегда временны. Натали живёт в нашем городе, так что это точно не вариант. Я не сплю с местными, сам знаешь.

— Да, я помню это правило. Тоже был таким, пока не встретил Брилле, — ответил Кольт с многозначительным смешком.

— Тоже мне помощник! Просто эта женщина слишком сложная, чёрт бы её побрал. Слишком тяжёлая. Слишком...

— Слишком что?

Глаза Хоука сузились. Лучший друг над ним насмехается?

— Чёрт, это безумие. Мне просто надо себя перебороть, прекратить вести себя как хренов подросток.

— Удачи, приятель, что я ещё могу сказать, — произнёс Кольт, а потом рассмеялся и ушёл.

— Спасибеще! — бросил вслед Хоук, но удостоился в ответ лишь смешка своего помолвленного и чересчур счастливого друга. — Они все рано или поздно попадают в силки, — буркнул он и попытался сосредоточиться на том, что необходимо сделать для успеха

будущего спектакля.

Полчаса спустя, когда он сделал шаг назад и врезался в наклонившуюся над стулом Натали, едва на неё не упав, ему еле удалось сдержать стон, которому, казалось, самим дьяволом было предопределено вырваться из пересохшего горла.

Ей бы повесить прямо на попе предостережение: «Смертельно опасно», потому что, учитывая в какой чопорной одежде появилась в городе эта женщина, за минувшую неделю она явно обрела собственный непринуждённый и сексуальный стиль. Джинсы такие, что хватит инфаркт, и облегающие свитера, которые она решила с ними носить, не много оставляют воображению.

Побеседовать. Вот что им нужно. Тогда её притягательность поубавится. Ему станет скучно, и то, что у неё здоровское тело, перестанет иметь значение, потому что он не выносит женщин, которые не могут постоять за себя в словесной баталии.

Он поймал её у стены спортзала.

— Натали, мы так и не закончили разговор, который начали на День благодарения.

— Мы разговаривали не один раз, — ответила она с нервным смешком.

— О важном нет. Обычно всё сводилось к тому, что ты давала мне указания.

— Разве роль женщин не в этом?

Её дерзость заставила его улыбнуться.

— Так моя мама говорит, кстати.

— Вот как? Мне нравятся мужчины, которые знают, что нас надо слушаться, — ответила она, и у него внутри разлилось тепло.

— Так я тебе нравлюсь, да?

Казалось бы, тут она должна покраснеть и сбежать. Так она обычно реагировала на его заигрывания. Однако на этот раз, наверное, съела что-то для храбрости на завтрак, так как подмигнула, заставив его позабыть дышать.

— Нет, Хоук. Я считаю тебя занозой в заднице, впрочем, работаешь ты как пчёлка.

Она отвернулась.

— Куда собралась? — Он с лёгкостью её остановил и поймал в ловушку у стены, поставив руки по обе стороны её головы. — У тебя не получится так просто уйти после подобных слов.

Её дыхание сбилось, отчего он почувствовал напряжение в паху и наклонился чуточку ближе. Разговор явно не помогал избавиться от чар Натали Дункан.

— Я скажу всё, что хочу, Хоук, а затем уйду, потому что имею на это полное право.

Вид у неё был несколько встревоженный, но далеко не такой напуганный, как неделю назад.

— Тогда знай, если играешь с огнём...

— Если играю с огнём, что?..

Удивительно. Она не уступала.

— Тогда начальнику пожарной охраны придётся прийти и усмирить огонь, — ответил он.

Теперь их тела практически соприкасались. Хоук уже позабыл, что они с Натали в зале не одни.

— Ладно... — ответила она, и его сердце пустилось вскачь. — В таком случае, мне придётся... — Он ждал, затаив дыхание. — ...прекратить играть с огнём, — завершила она, глядя ему прямо в глаза.

Смысл этих слов дошёл до его взбаламученного сознания только через несколько ударов сердца. Поняв, что она сыта их маленьким танцем, он убрал руки от стены и отпустил её.

Хоук проследил за её покачивающимися бёдрами, после чего на несколько мучительных мгновений привалился к стене, не желая показывать всему залу, какой эффект оказывает на него Натали Дункан.

Поняв, что наконец может без опаски повернуться, Хоук окинул взглядом зал и увидел Натали, занимавшуюся своим делом, как ни в чём не бывало. Это спокойствие взбесило его больше, чем всё остальное. Как у неё получается одну минуту играть горячую штучку, а следующую — замораживать холодом? Да что с ней такое?

День шёл к завершению. Натали вскарабкалась по лестнице, и джинсы так ладно обтянули её попку, что в голове Хоука появилось слишком много фантазий, совершенно неуместных в комнате, полной хихикающих детей.

Чёрт, да что это за напасть? — в который раз спросил себя Хоук. И снова мелькнула мысль призвать к ответу трёх любительниц совать нос в чужие дела, которые как раз с кисточками появились на сцене и, наклонив головы, наверняка замыслили очередную гадость.

Когда Натали забралась на верхушку лестницы и потянулась к потолку, чтобы подвесить звезду, он обеспокоился. Низ лестницы зашатался, и у Хоука тревожно замерло сердце. Она сейчас грохнется и проломит голову!

Отклеившись от стены, которую, по всей видимости, подпирал, Хоук метнулся к лестнице и схватился за низ, пытаясь придать ей устойчивость, за что удостоился лицемерия слишком близкой полоски нежной кожи, мелькнувшей на животе Натали, когда она подняла руки.

Только он начал брать под узду себя и собственные похотливые мысли, как послышался треск и лестница опасно накренилась. Он поднял глаза в тот самый миг, когда Натали слетела со ступеньки, на которой едва держалась. Отпустив лестницу, он вытянул руки и простонал, когда она безопасно приземлилась в его объятья и машинально обвила руками его шею.

— О боже!

Её глаза расширились, рот удивлённо раскрылся, щёки вспыхнули румянцем.

Хоук даже не думал, не колебался, а просто покрыл маленькое расстояние между ними. Возможно, потом он пожалеет об этом поступке. Чёрт, да он о нём точно пожалеет! Однако в этот момент, о да, просто обязан попробовать эти губы на вкус. Словно в трансе, он пробежался пальцами по её длинным красивым волосам и притянул её лицо к своему.

Хоук пытался взять себя в руки, но сдался, соприкоснувшись с ней губами и почувствовав, как изменилось её дыхание. Первое вкусовое ощущение было сродни взрыву ароматов... вишня... мята... и страсть. Чертовски много страсти.

Тесно прижавшись, он завладел её ртом. Не было ни борьбы, ни неловкости. Казалось, они созданы друг для друга. Он мог бы её целовать всю ночь напролёт.

Спустя ещё несколько секунд, он понял, что опасно близко подошёл к потере контроля, и лишь после этого отстранился. Когда её веки затрепетали и открылись, Хоук понял правду. Секс с этой женщиной неизбежен. И он неизбежно будет чем-то неопишуемым. Борись с собой сколько хочешь, но это произойдёт. И скоро. От разбушевавшихся гормонов никуда не денешься.

— Прости. — Он неторопливо поставил её на ноги, после чего без лишних слов

удалился, ни разу не обернувшись. Но если бы обернулся, заметил бы в глазах Натали панику. Заметил бы, как она тут же закрылась.

Конечно, он почувствовал на себе взгляды всех взрослых в комнате. Ну и хрен с ними! Плевать. Пора хлебнуть холодного пивка, а потом он, возможно, надаёт себе подзатыльников за то, что вёл себя как дурак.

Натали тайком удрала из спортзала. За детьми начали приходить родители, а смотреть им в лицо она сейчас не могла. Ей надо было убраться, убраться подальше от любопытных глаз.

Ни разу в жизни она не обменивалась поцелуем с мужчиной в общественном месте, да и не так уж много раз целовалась за свои двадцать три года, хотя кое-что и было. Однако прошлый опыт совсем не подготовил Натали к тем чувствам, что охватили её от простого прикосновения губ Хоука.

Хоть и почти в тумане, она добралась до своей классной комнаты и надела новую толстую куртку и сапоги. До дома всего десять минут пешком, но этого хватит, чтобы избавиться от паутины в голове.

Снаружи Натали с раздражением заметила, что к ней приближается Мэгги. Женщина её уже заметила и неприятной встречи было не избежать. Итак, хотя сердце грохотало и падал снег, Натали ждала, пока до неё доберётся мать Хоука. Оставалась единственная надежда, что та не заметила поцелуй. Но не с её удачей.

— Уже нас покидаете? — Улыбка Мэгги была милой и непроницаемой.

— Да, надо подготовить план урока на завтра. — Отвечая на улыбку Мэгги, Натали постаралась как можно убедительней изобразить собственную.

— Наверняка вы сейчас так загружены! Новая работа учительницы, да ещё этот спектакль. Бедняжка.

Натали расслабилась. Похоже, Мэгги не видела поцелуй. Слава тебе, Господи!

— Да, есть немного, но всегда лучше быть занятой, чем не знать, куда себя деть.

— Вот и я такая же. Сколько вам понадобится времени на этот план?

Натали вопрос показался невинным и не вызвал никаких подозрений, так что она ответила честно:

— Приблизительно час, но мне ещё позарез необходимо заглянуть в гастроном. Есть у меня свойство вспоминать о покупках, лишь когда дома почти ничего не осталось. Могу подолгу жить только на китайской лапше и макаронах с сыром из микроволновки.

Натали не стала добавлять, что её остальной рацион преимущественно составляет замороженная пицца и сосиски в тесте. Мэгги принадлежала к тому типу женщин, которые пришли бы в ужас от этого печального известия.

— О, милая. Нельзя так питаться. Приходите к нам сегодня на обед, я настаиваю.

Беспокойство Натали тотчас вернулось.

— Уверяю вас, я не выуживала приглашение на обед.

— Ни в коем случае, милая. Только я не приму «нет». Вы очень меня обидите, если откажетесь.

— Но... — Натали лихорадочно искала способ увильнуть от приглашения. Да! Нашла! — У меня нет машины, — чуть ли не выпалила она.

— Нашли проблему, — фыркнула Мэгги и вынула мобильный. — Хоук, милый, где ты пропадаешь? — Мэгги на мгновение смолкла, выслушивая сына. — Отлично. Заедь-ка через час за Натали и отвези её к нам. Она приглашена к нам на обед, но ей не на чем добратсья. — Снова тишина, а потом: — Спасибо, сынок. Скоро увидимся.

Мэгги нажала кнопку «отбой» и широко улыбнулась.

— Что ж, всё улажено. Хоук вас подбросит. У нас сегодня дивное тушёное мясо. До встречи.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Мэгги удалилась по своим делам, а Натали осталась стоять, разинув рот. Тот самый человек, которого она собиралась избегать до скончания века, теперь через час заявится к её крыльцу. На глаза навернулись слёзы, но Натали отказалась давать им волю.

Подумаешь, ещё одна колдобина на жизненном пути. Пустяк. В конце концов, они целовались лишь раз. А судя по тому, что рассказывают о Хоуке остальные учителя, он ещё тот плейбой и поцелуи для него — считай, что способ времяпровождения.

Наверное, он уже о нём позабыл. Вот такая мысль поддерживала Натали на пути домой. План урока она так и не подготовила, потому что просидела на диване, смотря на часы, стрелки которых двигались как-то необычайно быстро.

Когда ровно вовремя раздался звонок в дверь, сердце Натали подпрыгнуло в груди. Она до сих пор не решила, что скажет Хоуку. Ладно, не стоит усложнять. Она справится.

Разумеется, все эти самоуверенные выветерили из головы в ту самую секунду, когда Натали открыла дверь. За ней, прислонившись к перилам, стоял Хоук, его щёки порозовели от холода, тёмные глаза искрились, а губы мгновенно изогнулись в улыбке, стоило ему увидеть девушку. Не успела она и слова сказать, как он заговорил:

— Я решил, что мне чертовски понравился тот поцелуй. А ещё решил не противиться притяжению между нами. Подумай я, что ты не разделяешь мои чувства, отступил бы, но то, как у тебя на мгновение сбилось дыхание, и твой взгляд... Я понял, между нами что-то есть, что-то сильное. И я хочу выяснить что.

Говорил он в несерьёзной манере, будто обсуждая нечто незначительное вроде обеденного меню, однако взгляд не имел ничего общего с несерьёзностью. Внутри Натали разгорелся голод, и она поняла, что в серьёзной опасности.

— По-моему, Хоук, это очень плохая идея, — прошептала она.

Он сделал шаг в её направлении, и, хотя благоразумие велело Натали отступить, она не смогла бы это сделать даже ради собственной жизни.

— Да ладно, плохим идеям обязаны своим существованием самые лучшие мгновения жизни. — В его голосе звучало обещание, от которого Натали охватила дрожь.

— Мы даже толком не знакомы.

— Все с этого начинают. Найти всё, что волнует другого... это же самое удовольствие. — Он обхватил её щёку.

— Учителя здесь любят сплетничать. Очень любят сплетничать, Хоук.

— Проклятье, Натали, неужто ты сама не хочешь узнать? — парировал он.

— Я имела в виду лишь то, что в школе ты популярная тема для разговоров. Каждая подходящая по возрасту женщина не прочь надеть на палец твоё кольцо. — Тут уголки его губ чуть поднялись вверх. — Ладно, если говорить честно, братья Уитманы от тебя не отстают.

— О, дорогуша, я много лучше любого из Уитманов, — хохотнул он.

— По слухам, ты с Уитманами принцы этого городка. Мне много порассказали о том, как никто из вас не может остепениться, но ещё больше — о твоём характере и любви к семье и ближним. По-моему, это чревато осложнениями. Я не заинтересована в оседлости.

— Хорошо, потому что я к ней тоже не готов. Но что плохого в том, чтобы пригласить красивую женщину на свидание? Ведь при этом не обязательны какие-то ожидания.

- Ладно. А ещё мне говорили, что ты не встречаешься с женщинами из родного города.
- Она отчаянно пыталась настоять на своём, но терпела сокрушительное поражение.
  - Ты не местная, так что всё в порядке.
  - А по-моему, Хоук, далеко не в порядке.
- И всё же он обнял её и привлёк к себе.
- Я знаю, как это исправить. — Он подался вперёд и поцеловал её во второй раз.

Натали даже не стала притворяться, что против, предпочтя отдаться на волю волн и наслаждаться происходящим.

Примерно к полуночи Натали закончила играть Отелло перед Хоуком. Затем он отвёз её домой, подарил на крыльце пламенный поцелуй и удалился, просто помахав ручкой.

Следующие два дня от него не было ни слова. Это у него такое представление о необременительных отношениях?

Она ненавидела собственную неуверенность, ненавидела, что думает о нём чересчур много, что её планы, похоже, начинают рушиться. Слишком рано. В её списке серьёзные отношения стоят много дальше по времени, и ей нельзя забывать о своих приоритетах. Да и не сказать, что Хоук хочет чего-то серьёзного. Он этого даже не скрывает. Так что беспокоиться ни к чему, верно? Верно!

Выглянув из-за угла, Натали наблюдала за кипучей деятельностью в спортзале. Подготовка к празднику шла полным ходом, и стены покрыли декорациями в серебристых и ярко-синих тонах. На лицах каждого, и ребёнка, и взрослого, играли широкие улыбки.

И вдруг произошло нечто странное. Скрытно, почти как она сама, в дверь заглянул Хоук с большой коробкой в руках. Увидев, что никто не смотрит, он поставил коробку и как ни в чём не бывало подошёл к матери, которая с парой подруг рисовала на гигантской доске заснеженную гору.

Через несколько мгновений он переместился к маленькой группе детей и присел с ними на пол, и вскоре воздух наполнился звонкими голосами, разучивающими музыкальные номера.

Любопытство пересилило желание прятаться, и Натали быстрым шагом вошла в зал. Хоук тотчас повернул голову, как будто в нём встроен GPS, который определяет её местонахождение, и их взгляды встретились.

— Не обращай внимания, — велела она себе, но это было так сложно! Когда удалось сдвинуться с места и разорвать связь, Натали осталась очень довольна собой.

Она приблизилась к принесённой Хоуком коробке и ахнула, заметив на ней розовую бирку с надписью «Мэри Паскаль». Мэри была милой малышкой, и только что переехала в здешние края вместе с родителями. Те поселились у бабушки и дедушки дочери, и, похоже, за душой у семьи не было ни пенса. Неужели Хоук принёс подарок для крохи?

— О нет, пожалуйста.

Она и без того уже влюбляется в этого мужчину, хоть и намерена сопротивляться, сколько хватит сил. Он так пытается казаться крутым, но на самом деле очень добрый и на удивление хорошо ладит с детьми. Понятно, почему его добровольную помощь при подготовке к спектаклю так высоко ценят. Когда ребёнок лип к нему и прыгал на спину, он ни разу не вышел из себя, даже не рассердился ни капли.

Терпение Хоука кажется нескончаемым, и его легко было бы представить в роли учителя, не руководи он уже пожарной охраной. Если на то пошло, она бы запросто представила его учителем физкультуры, и желательно в тужей футболке и каких-нибудь милых шортиках.

Так, хватит! Заканчивай. Сию же секунду!

Натали с головой погрузилась в дела и очень обрадовалось, что в кои то веки на целый вечер избежала внимания Хоука. Он не облегчил ей задачу, но выяснилось, что, если постоянно держать под наблюдением этого человека, его следующий ход можно предвидеть

и парировать.

Однако, соприкоснись их руки ещё хоть раз, она за себя не отвечает. И если уж даст себе волю, местному шерифу придётся тащить её в кутузку за непристойное поведение.

— Доброго вечера, Натали!

Натали подпрыгнула от неожиданности, но, увидев Вефиль, тут же расслабилась.

— Доброго вечера, Вефиль! Гора на декорациях выглядит потрясающе.

— Вы слишком добры, дорогая. За несколько дней нужно всё установить и подготовить к спектаклю.

— Да, дело движется быстро. Можно вас кое о чём спросить?

— Всё что пожелаете, дорогая.

— Вон там коробка с именем Мэри и...

— А, это подарок от таинственного Санта-Клауса, — просияла Вефиль.

— Таинственного Санта-Клауса?

— Да. Жители городка каждый год выбирают семьи, которым не помешало бы что-то подкинуть. Те, кто участвует, ведут себя очень таинственно, а коробки всегда там, где их точно не пропустит нужный ребёнок. Мэри одна из ребят, выбранных в этом году.

— Потрясающе. — Натали мысленно вернулась в собственное детство. Что бы значил для неё тогда подарок от Санты?

— Скоро придут родители Мэри, увидите, как засияет её личико. Это всегда самая лучшая часть. Другим детям тоже нравится быть к этому причастному. Наш городок хорош тем, что тут люди действительно любят друг друга.

Обе ещё немного поговорили, но, когда в зал вошли родители Мэри, смолкли. Кто-то из детей быстро подвёл семью к коробке, открытие которой предвкушала девочка. В развороте плеч обоих родителей сквозило столько гордости, а в глазах сияло так много нескрываемой любви к дочери...

— Можно мне её открыть? — нетерпеливо спросила Мэри.

— Кажется, это для тебя, — ласково прошептала её мать.

Хоук ходил по сцене, подчищая бесконечный ряд крошек от недавно съеденных детьми лёгких закусок, но краем глаза поглядывал на семью.

Девочка открыла подарок, и взгляд Натали заметался между ним и Мэри.

Когда та вытащила из коробки тёплую зимнюю куртку, новенькие сапожки и ещё несколько предметов, ей на глаза навернулись слёзы.

— И это всё для меня? — Она погладила мягкий пуховик и взяла в руки красивые чёрные сапожки с фиолетовыми цветочками по краю, а также вынула несколько свёртков в яркой бумаге с бирками «не открывать до Рождества».

— Похоже, да, — прослезившись, ответила её мать.

В коробке скромно лежал конверт, и Натали не сомневалась: там деньги, на которые родители смогут позволить что-то для себя. Щедрость Хоука трогала до слёз. Чёрт бы побрал его скрытность!

— От кого это? — спросила мать Мэри, Стейси.

— От Санты, — ответила Вефиль, но её взгляд скользнул по сцене, где Хоук до сих пор убирал крошки.

Без слов Стейси медленно прошла к Хоуку и, прикоснувшись к его руке, сказала что-то, из-за чего он прервал своё занятие. Хотя Натали стояла слишком далеко и не слышала их

шёпота, глаза Хоука несомненно просияли, когда мать Мэри благодарно его обняла. Когда та его выпустила, он потупился, кивнул и исчез за чёрной дверью. Вернувшись со сцены, Стейси тихо начала:

— Он не признаётся, но сказал, что Мэри милое дитя, и у неё голос ангела.

Только когда Стейси договорила, Натали заметила слёзы на своих щеках.

— Он невероятно поразительный человек, — прошептала Мэгги и обняла семью Мэри.

— Да, — тихо согласилась Стейси.

Вскоре группа удалилась из зала, и Натали осталась наедине с мыслями. За эти несколько дней она узнала об этом мужчине больше, чем иные друг о друге за целую жизнь. Он хороший, добрый, и у него сердце размером с Техас. Можно было бы сказать с Монтану, но та слишком маленькая.

Если не поостеречься, этот мужчина может изменить всё её будущее, и не важно, что он к этому не стремится. К нему слишком легко привязаться, а меж тем он хочет отношений без обязательств и может разбить ей сердце. Нет, этому не бывать. Итак, что теперь?

По правде сказать, Натали не знала.

— Почему вы до сих пор не готовы?

Натали стояла в дверях, разглядывая Мэгги, Вефиль и Айлин. На всех троих были толстые куртки, ещё более толстые шапки, шарфы и высокие ботинки.

— Готова к чему?

— К большой вечеринке! — поглядев на неё как на сумасшедшую, воскликнула Вефиль.

— Какой такой вечеринке? — Натали смутно помнились вчерашние разговоры учителей в школе, но сегодня была суббота, и после долгой недели она хотела лишь одного: забраться в кровать с интересной книжкой.

Ладно, по правде говоря, эти большие планы не вызывали в ней особого энтузиазма, просто она старалась избегать Хоука и знала, что в единственном в городке кафе наверняка с ним столкнётся.

— Сегодня мы зажигаем огни на новогодней ёлке, а потому у нас вечеринка в пожарном депо, — с радостным предвкушением сообщила Айлин.

— Б-р-р. Холодно. Запустите нас внутрь подождать, пока вы оденетесь, — попросилась Мэгги, не оставив Натали иного выбора, как распахнуть дверь и впустить трёх закутанных женщин в тепло своего домика.

— И не возитесь слишком долго. Не хотелось бы раздеваться только затем, чтобы тут же одеться, — оглядываясь по сторонам, попросила Вефиль. — Да, а домик-то не мешало бы принарядить...

— Эй, Вефиль, оставь девушку в покое, — одёрнула подругу Мэгги. — Она прожила тут с две недели, не больше. Не все способны так быстро оставить на жильё отпечаток своей личности.

— Ха! Да когда я въехала в дом, обжила его за три дня! — возразила Вефиль.

Натали не привыкла к таким дружелюбным людям — Чёрт! Да вообще к гостям не привыкла! — и лишь смотрела, как три женщины непринуждённо оглядывают её жильё или, точнее, суют носы куда только можно.

— Не спите, милая! Мне тут уже жарко, — увидев, что Натали так и стоит у входной двери, поторопила Айлин.

Натали обречённо прошмыгнула в спальню и начала одеваться. Похоже, от вечеринки было не отвертеться. В животе мутило. Она знала, что никак не сможет избежать встречи с Хоуком.

И знаете, что пугало её больше всего? То, что невозможность улизнуть расстраивает её куда меньше, чем следует. Этот мужчина ворвался в её жизнь с сокрушительностью танка или, по крайней мере, своего громадного грузовика, и хотя Натали убеждала себя в нежелании с ним встречаться, в действительности её сердце билось быстрее от одного вида Хоука. Это было жалко. Неправильно. Некстати.

Однако следовать голосу разума было не так уж просто.

Натали переоделась и, зайдя в ванную, осмотрела себя в зеркале. Учитывая, как мчалась по венам кровь, и перспективу провести час на морозе, румяна ей сегодня точно не требовались. Она быстро прошлась по ресницам тушью, нанесла на губы немного блеска и решила, что готова настолько, насколько позволяют сжатые сроки.

Вернувшись в гостиную, Натали не смогла удержаться от улыбки. Мэгги буквально

цвела, разглядывая вязанье на журнальном столике. А когда вскинула глаза, её лицо выражало чуть ли не гордость, и в груди Натали разлилось тепло, которого она не чувствовала с... Незапамятных времён.

— Как красиво, Натали! У тебя большой талант! — Мэгги, положив вязание, пошла к ней. — Не знаю что, но в тебе есть что-то такое... так и тянет забрать тебя к себе и позаботиться.

Искренность в её голосе, влажный блеск в глазах — всё это было чересчур. Натали пришлось отвернуться, пока сама не прослезилась.

— Если тебе однажды понадобится с кем-то поговорить, — продолжала Мэгги, — ты знаешь, где меня найти. Похоже, у тебя внутри много всякого и может захотеться излить душу.

Порой боль одиночества бывает непосильной, и вот у Натали появилась эта женщина, которая просила лишь разрешения предложить самый ценный дар на свете — любовь.

Не дав Натали ответить, Мэгги заключила её в объятия. К счастью, разрушив неловкость момента, к ним присоединились Вефиль и Айлин. Пора было спасаться бегством. Дай Натали волю чувствам, не смогла бы остановить поток слёз. Слишком многое держала она в себе слишком долго и знала, что, если плотину прорвёт, это будет ужасно.

— Ой, чуть не забыла! — воскликнула Айлин. — Вот, держи, твоя свеча. — Она вручила Натали длинную свечу со щитком внизу. — Доберёмся сначала до следующего квартала, а там зажжём.

Натали поняла, что Айлин имела в виду, лишь когда они завернули за угол и увидели соседей. Они шли в ряд со свечами в руках и пели рождественские гимны. Вефиль зажгла свечи себе, Натали и подругам, и все четверо смешались с праздничной толпой, к которой, выходя из домов, по пути присоединялись всё новые люди.

По мере того, как людской поток продвигался к центру городка, световое шоу затухало. Воздух оглашался ласкающими слух голосами, поющими «Тихую ночь». В нём витало столько ностальгии. Натали никогда в жизни не переживала ничего более трогательного.

Сама она, шагая со свечой в дрожащих руках, петь почти не могла. К её удивлению, снежинкам не удалось загасить огонёк, впрочем, в этот вечер казалось, что ничто, даже метель, не в силах разрушить его волшебства.

Впереди показался небольшой парк, там слева от сцены гордо возвышалось огромное дерево. Возле него уже толпилась кучка горожан, поджидая остальных, которые подтягивались ещё с полчаса, и всё это время не смолкали рождественские гимны.

Когда пение прекратилось, к микрофону вышел мэр и произнёс короткую речь о волшебстве зимы и преимуществах жизни в такой тесной общине. Затем вперёд выступил другой оратор, и толпа встретила его шумными аплодисментами.

— Уходящий год для нас оказался благоприятным, как никогда. В нашем городке продолжают царить покой и порядок, тогда как в других местах борются с неурядицами. А знаете почему? Потому что мы неподдельно заботимся друг о друге и понимаем, как уживаться с соседями. Надеюсь, сегодня все до единого придут поцеловать меня под омелой. — Он флиртливо подмигнул толпе, и Натали рассмеялась вместе с остальными.

— Наверняка, Айлин, ты будешь первой в очереди к этой омеле, — смутив подругу, пошутила Вефиль.

— Фи, Вефиль, как невежливо, — ошетинилась Айлин.

Однако от Натали не укрылось, как та поглядывает на мужчину, только что

покинувшего трибуну и микрофон.

— Кто это? — поинтересовалась Натали.

— Мартин Уитман, — ответила Мэгги. — На его нефтеперегонном заводе работает большинство местных. У Мартина шесть очень сексапильных сыновей, и каждый ещё ждёт свою укротительницу.

— Ясно. — Натали не знала, что и сказать.

— Сегодня тут чуть ли не весь город, — сообщила Вефиль, и почему-то Натали почувствовала, как к щекам возвращается нормальный цвет. То, что эти милые женщины знакомят её с людьми, ещё не означает, что они пытаются её с кем-то свести. Да у них ничего бы и не вышло, ибо она, кажется, не способна думать ни о ком, кроме сексуального начальника местной пожарной охраны.

Тут Мартин подошёл к большому ящику и нажал кнопку. Разговоры смолкли. Праздничное дерево мгновенно вспыхнуло огоньками гирлянд, и по толпе прокатился вздох.

— Пойдёмте, милая. Пора поискать омелу. — Людской поток устремился к пожарному депо, и Мэгги взяла Натали за руку.

Натали стало дурно. Ну да, потому что она могла очень легко представить, как целуется под венком из листьев и ягод сами знаете с кем, и умерла бы от стыда, если бы эти далеко не самые благочестивые мысли узнала его мать. Однако, когда они зашли в депо, из-за тесноты сложно было даже ходить, не то что кого-то искать.

Тем не менее, Натали каким-то образом оказалась под омелой, и, что самое удивительное, напротив стоял тот самый мужчина, о котором она старалась не думать.

— Никогда не мог устоять против красавицы под омелой.

Вот и всё предупреждение, а потом Хоук наклонился и взял её губы в плен. Рядом соединялись в группки участники праздничной вечеринки, но Натали никого не видела и не слышала, думая лишь о Хоуке и его поцелуе.

И зачем она так старательно избегала этого человека? Ведь стоило оказаться в его объятьях, как все сомненья ушли и осталось лишь чувство, что это правильно и совершенно.

Выпустив наконец губы Натали, Хоук посмотрел ей в глаза, и она поняла, что готова ему отдаться. Слишком поздно сопротивляться взаимному притяжению, потому что она хочет забыться в его объятьях, даже если нужна ему всего на несколько дней. О том, чтобы уйти, теперь не может быть и речи.

— Ого, — в конце концов выдохнула она, на что его губы изогнулись в сексуальной улыбке.

— Я собирался сказать то же самое. Как насчёт того, чтобы отыскать все места с подвешенной омелой?

— А я думала, ты меня сначала хотя бы коктейлем угостишь, — ответила она, пытаясь обуздать собственную страсть. В конце концов, их окружал чуть ли не весь городок Стерлинг.

— Это можно устроить, — ответил он, выпустив её из объятий, но тут же завладел её рукой и, может быть, маленькой частичкой души....

Слишком много коктейля!

Вечеринка закончилась, голова была как ватная, однако, присоединившись к ещё нескольким добровольцам, Натали всё же осталась помочь с уборкой. Толку от неё было немного, но, по крайней мере, она хотя бы пыталась помочь.

После пары танцев с Хоуком того куда-то умыкнули, и теперь Натали слонялась по опустевшей пожарной станции, колеблясь, то ли отправиться домой, то ли подождать, пока он появится. С одной стороны, стоило подождать, но с другой не хотелось показаться назойливой. Да и алкоголь ясности мышления не способствовал.

Из динамиков лилась тихая музыка — спокойные расслабляющие мелодии в стиле кантри. Веки слипались, и Натали растянулась рядом с кабиной ближайшей пожарной машины. Широкий порожек спереди вполне годился, чтобы немного отдохнуть.

Никто не заметит, если тут минутку полежать...

Но не успела она опомниться, как заснула.

— До скорого, шеф!

Станцию Хоука небольшой группой покидали последние люди. Они хорошо потрудились, и теперь всё выглядело так, словно праздника вообще не было. Отлично. Порядок ему нравился. Он ценил хорошо выполненную работу. Оставалось уладить только одно дело.

Его разлучили с Натали слишком быстро. Он был не готов закончить совместный вечер тогда, и до сих пор не готов. Теперь он потушил свет, делает последний обход станции, а в душе какая-то странная пустота.

Смех да и только. Ему не нужна женщина, чтобы чувствовать полноту жизни. Ни к чему спутница. Однако за какую-то пару недель дошло до того, что он начал отсчитывать часы до новой встречи с Натали. Особо врезался в душу тот миг, когда он вошёл в спортзал и увидел, как она разговаривает с детьми, улыбается, одаривает их смехом.

В нём всколыхнулись настолько непривычные чувства, что он в них даже не смог разобраться. Впрочем, одно ясно точно — он не намерен ждать понедельника, чтобы с ней снова увидеться.

Не сможет. Ему надо с ней встретиться. Сегодня же.

Обойдя строй пожарных машин, Хоук остолбенел.

— Что такое? — Голос Натали звучал хрипло. Она начала садиться на передний бампер автомобиля.

Итак, её даже не надо искать. Вот она, перед ним, в пределах досягаемости. При виде её сонных глаз и спутанных волос он способен думать лишь об одном — как взять её здесь и сейчас.

— Все уже ушли. — Его севший голос напоминал низкое рычание.

Её глаза расширились, и даже тусклый свет не смог скрыть их изменившегося выражения. Она знала, что сейчас произойдёт. Они оба знали.

Хоук прекратил бороться с собой. К этому шло с того самого мгновения, когда он поймал её в объятия на обледеневшем крыльце дома, который сдал ей в аренду. Хоук шагнул вперёд, за руки поставил её на ноги и поцеловал. На этот раз им никто не помешает.

Торопливо, чуть ли не яростно Хоук стащил с Натали свитер. Надо увидеть её тело, почувствовать её обнажённую кожу своей, только сначала придётся избавиться от одежды.

Стоны её сдерживаемого желания поощряли к действию, и он потянул вниз молнию её шерстяных слаксов. Через считанные минуты она уже стояла перед ним только в кружевном лифчике и красных, под цвет пожарной машины трусиках. Кто бы ни придумал женское бельё, он заслуживает множество благодарностей.

Хоук этим ещё займётся. Ну, может, не прямо сейчас. Лучше он займётся ею.

— Полезли внутрь, — позвал он, внезапно захотев взять её в своей любимой пожарной машине. Да, он знал, что кое-кто из его подчинённых, чисто ради остроты, приводит в депо женщин заниматься сексом, но раньше ему самому такое даже не приходило в голову.

Теперь он засомневался, такая ли хорошая это идея — он же больше никогда не войдёт в депо без мысли о ней — однако их влекло друг к другу с неудержимой силой, и обратного пути уже не было.

Он распахнул дверь грузовика, и Натали двинулась к нему неуверенной походкой. Залезая внутрь, она согнулась пополам, и её соблазнительная попка оказалась прямо у него перед носом.

Хоук обхватил её за бёдра, не пуская дальше, и пробежался пальцами по гладкой коже бедра, такой соблазнительной из-за трусиков, которые почти ничего не скрывали. Вздох удовольствия поощрил его продолжать.

Раздвинув ей ноги, он провёл вдоль края этих восхитительных трусиков и, прикоснувшись к влажным складкам, получил в награду томный стон.

— Такая готовая, — прошептал он, не понимая, как ухитрился прождать так долго, чтобы заняться с ней любовью. Такая страсть не выгорает. Нет. Единственный способ потушить огонь внутри обоих — кончить в настолько сильном пожаре страсти, что он таких ещё не тушил.

Натали выгнула спину, сильно отставив попку, и вцепилась в покрытый ромбовидным узором пол грузовика. Хоук нагнулся вперёд и сзади провёл языком по её гладкой коже. Слегка куснул безупречное полушарие ягодицы, и Натали качнула бёдрами, прося о большем. Много большем.

Хоук был более чем готов ей услужить. Спустившись языком к тому, чего так сильно хотел, и, описав круг, он подтянул её бёдра, чтобы насладиться вкусом её сладкого, нестерпимо жаркого лона.

Такого влажного.

Такого готового.

Ткань её трусиков не могла служить преградой его языку и пальцам. Он без труда отвёл их в сторону, чтобы воздать уважение её женственности. Её удовольствие всё нарастало и нарастало, и вот уже они оба были готовы взорваться, и Натали заёрзала под его умелым языком.

Затем Хоук отстранился, она недовольно застонала, однако через мгновение уже медленно преодолевала остаток пути в грузовик. Безо всяких указок от Хоука, Натали нагнула вперёд одно из откидных кресел и схватилась за висячий поручень.

Хоук решил не спешить. Как мог он упустить возможность насладиться видом её

прелестной раздумывавшейся кожи, оттопыренной попки и соблазнительно выглядывающих влажных складок. Он мог бы глазеть на совершенные формы её тела всю ночь, и уже был бы счастлив. Что ж, глазеть, пожалуй, всё-таки лучше после того, как он удовлетворит их обоих.

Нагнувшись вперёд, он расстегнул на ней лифчик и выпустил на свободу красивые округлые груди, безупречно подходящие под размеры его ладоней. Прижался ширинкой к её нежной спине и, с точно отмеренной силой сжав ей соски, вызвал у неё вскрик. Соски затвердели в его пальцах, и ему так захотелось её перевернуть и взять эти сладкие горошинки в рот.

Однако это успеется, у них впереди целая ночь любви. Прямо сейчас ему нужно почувствовать, как он скользит у неё внутри. Он отстранился на несколько сантиметров, скинув штаны, выпустил эрекцию на свободу и, прежде чем устремиться к цели, постарался взять себя в руки. Погрузиться в её горячее тело хотелось так отчаянно сильно, но не хотелось, чтобы заканчивалось это совершенное мгновение.

Итак, он провокационно толкнулся кончиком своей мужественности в её влажное тепло. Она толкнулась ему навстречу. Стоны чётко были его основным ключом к её желаниям, и чётко давали понять — «да».

Хоук ещё никогда не получал столько удовольствия, подобным образом дразня женщину, но его член пульсировал от желания, когда он водил им по её складкам. Чем больше она стонала, тем больше он хотел продлить всё то, что между ними уже происходит и ещё будет происходить.

Однако Натали решила иначе и завращала бёдрами. Набухший кончик проскользнул в её тугое тепло, и Хоук ничего не смог поделать. Сильным толчком он в конце концов проник в неё, и весь мир закружился у него перед глазами, когда его жезл как тисками обхватило её лоно.

Её стон напомнил ему, что нужно двигаться, и, схватив её за бёдра, он начал толкаться всё быстрее и быстрее в поисках разрядки.

Когда она вскрикнула и туго сжалась вокруг него, он чуть не сдался, но замедлился, чтобы растянуть её наслаждение. Он знал, что ему нужно видеть её глаза, её лицо, когда она кончит, поэтому, когда у неё начался оргазм, вышел и повернул её лицом к себе. Она удовлетворённо вздохнула, её веки были прикрыты.

Нагнувшись, он сомкнул губы вокруг соблазнительного соска и, прикусив зубами, нежно пососал, чтобы доставить ей ещё немного удовольствия. Изысканный вкус превзошёл все его ожидания.

По лицу Натали было видно, что она предвкушает продолжение, и, нащупав её скользкие складки, Хоук решил, что с него хватит прелюдий. Оба в них больше не нуждались. Он толкнул Натали на сиденье, положил одну из её ног на перекладину дверцы, другую — на панель управления и вошёл внутрь.

После первого толчка Хоуку пришлось секунду подышать, собирая остатки самообладания, но когда он увидел, как тело Натали подрагивает, желая ещё одного раунда, их праздничный танец приобрёл быстрый ритм.

На этот раз, когда мышцы Натали начали сокращаться, Хоук дал себе волю и излил своё удовольствие, наслаждаясь выражением её глаз, пока по телам обоих проходили последние волны дрожи. Одной ночи ему не хватит. Можно даже не сомневаться. Он открыл рот, собираясь что-то сказать...

И тут сработала пожарная сигнализация.

Глаза Натали испуганно расширились, от ламп стало светло, как днём. Она выпрыгнула из грузовика и натянула на прекрасную грудь свитер, а лифчик сунула в карман. Только они оделись и выскочили из пожарной машины, в гаражные двери забежали первые люди. Не успел Хоук её остановить, как Натали улизнула в ночь, а меж тем его тело не желало понимать, что любовные игры закончились.

Им обоим нужно поговорить, и это непременно случится после вызова на пожар, но сейчас придётся сосредоточиться на работе...

Конечно, она струсилась. Ну и что? Пусть Хоук думает всё, что хочет, но когда в воскресенье он пришёл к ней под дверь, нет, ему никто не открыл и, да, она спряталась.

Сегодня понедельник, день экскурсии на пожарную станцию. Повезло так повезло. Ну и как теперь избегать Хоука на его рабочем месте? Она серьёзно подумывала позвонить и сказать, что больная, но из-за слишком ответственного отношения к служебным обязанностям так дальше мыслей и не пошла. И вот теперь входит в то самое здание, где уже была два дня назад. Голой.

— Мисс Дункан, а нам дадут послушать пожарные сирены?

— Конечно, Бобби.

Она справится. Нужно просто думать о детях, и всё.

— Привет будущим борцам с огнём!

Натали обернулась. Огромный, как герой легенд, Хоук Винчестер стоял перед той самой машиной, в которой вознёс её на высоты плотского удовольствия. Целых три секунды он пристально разглядывал Натали, а потом снова переключился на детей. От одного его взгляда можно было осесть на пол. Несомненно, Хоуку было что ей сказать. К счастью, три десятка маленьких дуэний гарантировали безопасность.

Судя по тому, как Хоук поглядывал в её сторону, ему не нравится, когда его игнорируют.

Началась экскурсия, Натали усиленно пыталась не смотреть на звезду часа, но поверх детских голов то и дело встречалась с Хоуком взглядами. В тёмно-карих глубинах его глаз пылал такой затаённый огонь, что она буквально поджаривалась изнутри. Этому человеку хватило бы поманить пальцем, и она вернулась бы в этот грузовик, который он уже так долго показывает детям. Воображение рисовало дикие картины. Вот она откинулась на...

Нет. Только не здесь. И уж точно не сейчас.

Когда настало время подкрепить силы и Натали последовала за другими учителями и детьми в комнату отдыха, кто-то с сокрушающей силой схватил её за руку.

Ой-ой!

— Всё! Больше ты от меня не спрячешься. Даже не мечтай!

Натали утянули прочь от людей, и она оказалась наедине с Хоуком, прислонившимся к тому самому грузовику, что все выходные не выходил у неё из головы. В гараже никого не осталось — другие пожарные в зоне отдыха помогали развлекать детей — и при взгляде на Хоука, Натали остро ощутила собственную уязвимость.

— Не здесь и не сейчас, — прошептала она, мысленно молясь о том, чтобы никто не вошёл и их не увидел.

— Согласен. Воскресенье отлично подходило для разговора, но ты не открыла дверь и отказалась отвечать на телефонные звонки.

Он иронично выгнул брови, ожидая ответа.

— Умный человек понял бы, что мне нечего было сказать, — собрав волю в кулак, жёстко ответила она, хотя это было совсем не в её стиле.

— Вряд ли всё так, как ты говоришь. Мы с тобой пережили чертовски потрясающие мгновения, а теперь ты испугалась и бежишь вместо того, чтобы, как взрослая, встретить последствия.

Столь откровенное самомнение Натали чертовски разозлило. И не важно, что он был прав, как раз таки то, что он это знает, и выводило её из себя. Экая самоуверенность. Она вот в себе отнюдь не уверена. С чего он решил, что всё знает о её чувствах? Это попросту невозможно.

— Думай, что хочешь, Хоук. Мне всё равно. У нас был секс. Был да сплыл. Смирись и забудь! И вообще, да пошёл ты! — Она попыталась вырваться.

— Нет, мне так не кажется. И знаешь что, Натали?

Повисло мучительное молчание. Несколько неловких минут они глядели друг на друга.

— Что? — практически выкрикнула Натали.

— Я решил, что мне с тобой нравится. Решил, что из нас получится отличная пара. На этих выходных устроим себе настоящее свидание.

— Не думаю, Хоук. — Она снова попыталась вырваться, но добила ноль успеха.

— Но почему?

Его похолодевшие глаза не желали выпускать её из плена, а рука по-прежнему крепко удерживала. Как же дальше с ним бороться, если это борьба и с собой? Каким-то образом Натали в глубине души нашла волю к сопротивлению.

— Потому, Хоук, что ты не тот, кто мне нужен. Не настолько хорош, чтобы ради тебя я стала менять свои планы, — ответила она как можно холоднее.

Результат несколько превзошёл её ожидания. Хоук тут же её отпустил, отступил на шаг и с равнодушным видом смерил её взглядом, от которого её сердце сжалось одновременно от сожалений и отвращения к собственной жестокости. Ей тотчас же захотелось забрать эти слова обратно.

— Хоук...

— Оставь. Похоже, ты высказалась. — Хоук ушёл, оставив её одну. Натали хотелось бежать, удрать со станции как можно быстрее, но экскурсия ещё не закончилась.

Что ж, в её жизни бывали и худшие времена и наверняка ещё будут.

Она расправила плечи и, сделав глубокий вдох, вошла в комнату отдыха, где учителя и ученики задавали вопросы и поглощали сласти.

Она справлялась с собой очень даже неплохо, пока не настала пора уходить и она снова не встретила с Хоуком взглядом. Отчаянно стараясь не выказать слабости, Натали отвернулась. Но, возможно, было уже поздно. Если он заметил слёзы, поймёт, что она лгуны. Оставалось лишь надеяться, что этого не случилось, потому что, если бы он подошёл к ней снова, вряд ли бы ей хватило сил отвергнуть его во второй раз.

Приговорив последнюю упаковку бумажных салфеток, Натали шмыгнула носом и решила, что пора бы знать меру. Хватит сходить с ума и лить слёзы днями напролёт. Не из тех она девчонок, чтобы валяться и плакать из-за парня.

Боже! Да она едва знает этого мужчину. Несколько жарких поцелуев, пара походов к его родителям в гости и самый сумасшедший секс на свете — это ещё не прочные взаимоотношения.

Опустив глаза, Натали осознала, что держит свою маленькую записную книжку — ту самую злосчастную нелепую записную книжку с дурацким перечнем целей.

Внезапно нахлынула ярость. На саму себя, на мать, на жизнь. Натали швырнула книжку через всю комнату и почувствовала себя неизмеримо лучше, когда та шмякнулась о стену. Откуда это стремление прятаться?

Что такого в настоящем свидании с Хоуком? Разве ещё раньше она не решила, что не прочь с ним встречаться, несмотря на недолговременность отношений? Зачем во всём этом копаться, пытаться вписать в какие-то рамки, отказывать себе в том, чего хочешь?

Ну и что, что мысль о свидании с ним идёт вразрез с драгоценными планами? Это ещё не делает её неправильной. Зачем упорствовать, если уже ясно, что битва проиграна? К тому же она всегда засыпает с мыслью об этом человеке. Он тот, кого она видит во снах, и первое, о чём думает, когда утром открывает глаза.

А вдруг теперь и нет выбора идти или не идти на свидание? Когда она заявила Хоуку, что он недостаточно хорош, тот одарил её не очень-то добрым взглядом. Возможно, она уже упустила этого мужчину? Впрочем, разве так не намного проще?

Трусиха, вот кто она! Захотела, чтобы он её возненавидел, ведь тогда не пришлось бы выбирать между счастьем и целями. А ещё дура.

Натали решительно встала.

В разговорах других учителей как-то мелькнуло, что иногда по субботам Хоук любит кататься с детьми на коньках. И хотя Натали годами не надевала коньков и даже в прошлом не была хороша в этом виде спорта, она решилась на ещё одну попытку.

Не давая себе времени передумать, она умыла лицо и, укутавшись потеплее, вышла из дома. По пути на открытый каток её сотрясла нервная дрожь, но Натали надеялась, что Хоук не станет унижать её публично.

Впрочем, она вполне заслужила от него хорошую словесную порку, однако та стала бы совсем уж скверным завершением и без того скверного дня. Путь до катка занял немного, Хоука нигде не было видно, так что Натали взяла напрокат коньки и стала готовиться к выходу на лёд.

Подняв глаза, она увидела, что он идёт к ней, и её охватило странное волнение. Их встреча могла пройти и так, и этак, а выражение его глаз ни о чём не позволяло судить, однако Натали решила приклеить на лицо улыбку и надеяться на лучшее.

— Натали! Что ты здесь делаешь? — Его лицо по-прежнему даже намёком не выдавало мысли и чувства.

— Да вот, подумала, а не покататься ли на коньках, — пожала плечами Натали и обрадовалась, что её голос не задрожал. По крайней мере, не задрожал слишком явно.

— В одиночку?

— Ну, я надеялась, что найду компанию.

На этих словах его глаза округлились и, тут же сузившись, прошли по ней взглядом.

— Что за игру ты затеяла?

— Это не игра... — Натали замолкла, понимая, что на его месте задала бы тот же вопрос.

— Разве не лучше быть одной, чем торчать с тем, кто недостаточно хорош? — Голос Хоука звучал равнодушно, глаза обжигали холодом, который заставлял Натали дрожать сильнее, чем стужа Монтаны.

— Не стоило мне так говорить. Просто... ну, знаешь, я наметила для себя определённый жизненный план и очень долго думала, что должна его придерживаться. А затем появился ты, и я растерялась. Всё спуталось, но мне это вроде как нравится.

В ответ на это неловкое объяснение брови Хоука взлетели вверх, но он никак ей не помог, по-прежнему не позволяя проникнуть в свои мысли.

Натали поёрзала на скамейке.

Хоук что, хочет, чтобы она умоляла? Похоже, что да.

— Я составила список целей и, считай, пока ни одной не достигла.

— И я не вписываюсь в эти цели?

— Не то чтобы не вписываешься, — начала она, решив избрать откровенность. — Нет, я хотела сделать карьеру, приобрести свой дом, а не уподобляться своей матери. Я хотела...

Чего она теперь вообще хочет? Натали не знала.

— А-а... — саркастично протянул Хоук.

— Что такое? Зачем это «а-а...»? Ей-богу, я стараюсь. Клянусь, я с тобой не играю. Это не игра. Просто... мне хорошо с тобой.

Натали почувствовала, что её щёки вспыхнули, но учитывая холод на улице, Хоук не мог этого заметить.

Её заявление было встречено молчанием, и Натали почти пала духом. Бесполезно. С какой стати Хоук должен прощать, если она уязвила его гордость? А может, так даже лучше? Не надо внутренних метаний, так как всё равно нет выбора, кроме как держаться от этого человека подальше?

— Не думаю, что ты играешь, — помолчав, сказал Хоук.

Они несколько мгновений смотрели друг на друга, а затем он, к её потрясению, улыбнулся.

Что бы это могло означать?

Ммм...

Вряд ли стоило спрашивать.

— Отлично. Говоришь, ты со мной не играешь... Верю. Вопросов больше нет.

Хоук опустился рядом и начал менять сапоги на коньки.

— Так что... у нас всё хорошо?

Она не знала, как определить то, кем они были друг для друга до своей маленькой размолвки, и поэтому не знала, как спросить о них теперь.

— Ну да. Официально у нас сейчас первое свидание.

— Вот так просто?

— Ага. Зачем держаться за обиду?

Приобняв Натали сзади, Хоук одарил её одним из тех пылких взглядов, из-за которых она, в общем-то, на него и запала. Никаких обид. Никакой нависшей над головой кары.

Такое было для Натали внове. Если она в детстве чем-то огорчала мать, та потом пеняла этим месяцами.

А вдруг это такая шутка? Вдруг она выставила себя полной дурой? Вдруг шмякнулась лицом в грязь, что более чем вероятно, поскольку никогда не отличалась грацией... да ладно, чего скрывать, всегда была ещё той недотёпой.

Слишком уж много «вдруг», но в итоговой сумме то, что ссоре конец и теперь у них с Хоуком первое настоящее свидание. Надо просто дышать и его пережить, так что она последует его примеру и поведёт себя непринуждённо, так, словно и не было никакой размолвки. Раз может он, сможет и она.

— Сразу предупреждаю: я буду неуклюжей.

— Ничего, я рядом и словлю тебя, когда ты поскользнёшься.

— Вот как? Когда? Ты так уверен, что это случится?

— Ну да, мы оба знаем, что это неизбежно. По-моему, тебе нравится падать в мои объятия. Мне точно нравится, когда ты в них падаешь.

Не успев себя остановить, она выпалила, что думала:

— У тебя убийственные глаза! Серьёзно! Тебе хоть когда-нибудь вообще отказывали?

Хоук на мгновение опешил. Затем рассмеялся.

— Могу честно тебе сказать, такого у меня ещё не спрашивали. — Он наклонился и прошептал ей на ухо: — Но знай я, что тебя так просто покорить...

Нужды заканчивать не было, она и без того сжала бёдра в попытке хоть как-то себя удовлетворить. Этот мужчина заставлял её одновременно дрожать и гореть, и надо признать, ей нравились эти дикие ощущения в теле.

Натали подпрыгнула. Ей требовалось подвигаться, выбросить сжигающую её энергию. За последние несколько дней она прошла через мириады эмоций, и прямо сейчас чувствовала радость. Быть рядом с Хоуком казалось правильным, и всё тут. Натали, улыбнувшись, встала и пошла на каток.

Хоук, недолго думая, присоединился, сгрёб её в охапку и закружил, плавно объезжая другие пары. К тому времени, как он поставил Натали на нетвёрдые ноги, она задыхалась от смеха.

— Чёрт, где ты научился так хорошо кататься? — запыхавшимся голосом спросила она.

— Я каждый год играю в хоккей, — похвастался он.

— Ммм... надо будет посмотреть.

Прошёл час. Натали почувствовала себя увереннее на льду, уже не так мельчила ногами и даже пару раз покружилась с несколькими из учеников, встреченных на катке. Холода больше не чувствовалось, более того, ей от движения стало немного жарко. И не где-нибудь, в Монтане!

Натали привалилась к стене и почувствовала, как её тут же заключили в клетку крепкие руки. Она, не колеблясь, обернулась и позабыла обо всём в объятиях Хоука, захватившего её губы в плен.

Вефиль отхлебнула горячий фруктовый напиток.

— Знаю, мне следовало бы радоваться много больше, но эта парочка детишек оставила

нас без работы, — проворчала она с края катка.

— Как я тебя понимаю. Я тоже рассчитывала, что от нас потребуется чуть больше вмешательства, — столь же недовольным тоном поддержала Айлин.

— Да, похоже, они влюбляются, — вздохнула Мэгги. Она была слишком счастлива, чтобы брюзжать.

— Что это вы, дамы, замышляете?

Трое женщин виновато повернулись к их другу Мартину Уитману.

— Да так, просто любуемся тем, как катаются детишки, — пожала плечами Вефиль. К несчастью, врать она никогда не умела и вспыхнула, но понадеялась, что Мартин спишет это на холод.

Тот, прищурившись, посмотрел на каток. Прошло не так много времени, и его внимание привлекли Натали с Хоуком, до сих пор сплетённые в страстном объятии.

— Что, наслаждаетесь шоу?

Он присел рядом.

— Да. У детишек всё очень хорошо получается, — нервно хихикнула Айлин.

— Как-то мне не верится, что вы смотрите на маленьких детишек. Ваши детишки давно уже не детишки, — хохотнул Мартин. — Да ладно, выкладывайте всё как есть, не то выясню сам и всем расскажу.

— Мартин Уитман, не смей. — Глаза Мэгги явственно полыхнули яростью.

— Уверен, ваш муж не слишком одобрит, что вы вмешиваетесь в жизни этих детишек, — с самодовольной ухмылкой заметил Мартин.

— Ладно. Да будет так, — недовольно бросила Мэгги и кивнула двум лучшим подругам.

Вефиль и Айлин выложили всю историю. Вероятно, им было бы приятно узнать, что после того как Мартин узнал об их вмешательстве в судьбы других людей, у него появились кое-какие мысли относительно собственных упрямых сыновей, до сих пор отказывающихся остепениться.

Сцену заполнили дети в красном, зелёном, белом. На нескольких даже были народные костюмы в ближневосточном и африканском стилях. Юные артисты, хихикая, выглядывали в зале родителей и возбуждённо им махали.

Натали казалось, что её вот-вот стошнит. Ребята не готовы! Сейчас все увидят её несостоятельность... Хорошо ли она их научила? Правильные ли дала наставления? Или её подопечные от волнения всё провалят?

Последняя неделя репетиций промелькнула стремительно, от этого времени в памяти сохранились только взгляды. Хоук бросал их с другого конца спортзала, и Натали забывала, что именно пыталась петь вместе с детьми. А теперь стояла в кулисах и её ноги дрожали под элегантными слаксами, потому что аудитория была полна родителей, каждый из которых ждал столь же хорошего представления, как в прошлом году.

— Успокойся. Всё будет хорошо.

Рядом возвышался Хоук, на его губах играла ободряющая улыбка. Однако она не успокаивала, наоборот, сердце Натали забилося чаще, стоило ей вспомнить, что ещё двенадцать коротких часов назад он был для неё не утешением, а причиной слёз.

— Я не в состоянии с этим справиться, — приглушённо всхлипнула она.

— Не только в состоянии, но и справишься, и справишься хорошо. Я всё время был рядом. Ты удивительно ладишь с детьми. Они тебя обожают, так что во время спектакля ради своей учительницы вылезут из кожи вон.

Хоук положил Натали руку на плечо, и этот жест наконец её успокоил.

Он в неё верил, а если этот мужчина, мужчина, в которого она начала так сильно влюбляться, в неё верит, то как можно потерпеть неудачу?

— Ты спасёшь меня, если от страха я потеряю дар речи?

Станный вопрос, учитывая, что задан он был начальнику пожарной охраны...

— Натали, тебя не надо спасать. Ты уверенная в себе, красивая и более чем способна вести сегодняшнее представление. А теперь ступай и покажи этим родителям.

Он подтолкнул её вперёд, не оставив иного выбора, кроме как выйти из-за кулис и предстать перед всем городком. Натали казалось, что её щёки горят так же ярко, как нацеленные на неё лампы, и всё-таки она прошла к микрофону, старательно изображая уверенность в себе. На толпу зрителей опустилась тишина, но дети продолжали хихикать и махать залу.

— Спасибо всем, что пришли сюда этим снежным вечером. — Комок в горле мешал говорить.

Эти люди не желали ей зла. Они просто пришли насладиться выступлением своих детей. Если бы только она поняла это раньше, не накручивала бы себя до такой степени.

— Должна признать, что опешила, когда впервые появилась в Стерлинге и вышла за двери вашего аэропорта. Не знала, как выживу при одной единственной улице с магазинами и кафе. — Все молчали. Она сделала паузу, пытаясь обуздать чувства. — Однако за последний месяц я влюбилась в ваш городок. Да и как могло быть иначе? Соседи пришли ко мне со сладостями и тёплыми словами, мой класс полон прекрасных талантливых учеников, каждый из которых жаждет знаний, и всякий раз, когда я выхожу из дома, кто-нибудь приветственно машет рукой и говорит: «С добрым утром». Вначале мне хотелось лишь

одного — сбежать подальше отсюда в какое-нибудь более людное и тёплое место, но теперь я не представляю себя учительницей где-то ещё. Спасибо, что доверили ваших детей, и что сочли способной подготовить хороший праздник. Уверяю, ребята готовы. А вот, что касается меня... — Она, хихикнув, смолкла и по залу прокатились ответные смешки. — Не могу пообещать безупречности, но гарантирую, что всегда буду выкладываться на тысячу процентов. А теперь хватит обо мне и моих глупых эмоциях. Пора смотреть представление!

Натали опустилась на колени, и маленькие артисты за её спиной приступили к делу, совершенно невпопад и с превеликим удовольствием затянув рождественскую песню.

Во время последнего номера пять детей вышли вперёд и переводили на язык жестов «Тихую ночь», которую пел за их спинами хор. Об этом попросила одна из младшекласниц, волновавшаяся о своей глухой матери, и Натали безмерно тронула такая заботливость. Стоя рядом со своими подопечными, она тоже знаками показывала слова песни, улыбаясь этой женщине.

После того как песня закончилась, зрители несколько мгновений хранили благоговейное молчание, а затем несколько человек, подняв руки, замахали артистам — аплодисменты на универсальном языке жестов. Покидая сцену, дети сияли от гордости, а Натали приготвилась, всех поблагодарив, объявить о конце представления, и тут Мартин Уитман подошёл к микрофону.

— Родители города хотели бы выразить очень тёплую признательность новой учительнице нашей школы, мисс Натали Дункан, за постановку очередного прекрасного праздника. Вам поручили дело в последнюю минуту, и вы превосходно с ним справились. А также хотелось бы отметить одного из здешних уроженцев, нашего начальника пожарной охраны, мистера Хоука Винчестера. Сегодняшнее рождественское представление для него уже десятое по счёту, и он всегда неоценим. Помогает устанавливать декорации, передвигать оборудование, привлекает других пожарных, координирует сбор необходимых средств. Хоук, ты бы не мог выйти сюда, к нам?

Зрители разразились аплодисментами, и на сцену поднялся Хоук. Их с Натали взгляды встретились и, несмотря на полный зал народа, ей удалось отвести глаза, лишь когда он повернулся к публике со своей самой очаровательной улыбкой.

— Спасибо, Мартин. Я люблю эти представления и, как мне кажется, получаю от них больше, чем отдаю, когда помогаю. Надеюсь, вы продержите меня в помощниках ещё по меньшей мере лет десять.

— Сынок, мы так скоро тебя не отпустим, — пошутил Мартин.

— Даже не мечтай, — выкрикнул кто-то из публики.

Тут Хоук приобнял Натали за плечи и повернулся с ней к фотографам, но вместо того, чтобы смотреть в камеру, она заглянула ему в глаза и тотчас потерялась в их карих глубинах. А затем на глазах у всего Стерлинга Хоук запечатлел на её губах поцелуй и заодно окончательно пленил сердце.

— Я не поеду к твоей семье!

Натали, всё ещё в пижаме, стояла в гостиной и смотрела на Хоука, как на сумасшедшего. Ну уж нет, она ни за что не вторгнется к его семье на Рождество! Хватит и того, что им навязали её в День благодарения.

— Поедешь, — отрезал он со всё той же отвратительно-самодовольной усмешкой, которой улыбался с тех пор, как вошёл в дом.

— Нет, Хоук, не поеду. Рождество праздник семейный.

— У тебя семьи нет, так что моя мама решила тебя удочерить. К тому же она пригласила ещё нескольких друзей. Праздники даны не только для того, чтобы собираться семьёй. Это время, когда никто не должен оставаться один.

К глазам подступили слёзы, и Натали, отвернувшись, сделала вид, что вытирает пыль с безупречно чистого журнального столика.

Проклятье! Она последнее время только и делает, что плачет, будто какая-то сентиментальная дура, и уж точно не желает показывать, как уязвима в том, что касается семьи. Отношения с Хоуком всё это время развивались со скоростью света, поэтому Натали нуждалась в передышке.

Стоило ей услышать, как он вот так вот небрежно говорит, что его мать её удочерила, как она чуть не сломалась под наплывом эмоций. Тем не менее, никто никогда не увидит, как сильно она хочет быть частью настоящей семьи. Признание звучало бы слишком отчаянно, слишком жалко.

— Эй? Что такое?

Хоук притянул её к себе, обняв сзади за талию. Супер! Не хватало ещё, чтобы он к ней прикасался: обуздать проклятые эмоции и без того трудно.

Вопреки всем усилиям из глаза выкатилась мерзкая слезинка. Они никогда не обсуждали будущее. Не заговаривали о «долго и счастливо». Она не призналась, что к нему чувствует.

— Ничего, просто...

Просто что? Она не имела ни малейшего понятия.

— Я не требую, чтобы ты поехала к ним, — мягко начал он, пощекотав ей дыханием щеку. — Я лишь прошу, пожалуйста, сделай это Рождество для меня самым лучшим и присоединись к нам.

Ну как можно было ему после этого отказать?

— Ладно, — прошептала она.

— Почему ты так упрямисься? — снова спросил он, на этот раз вынуждая смотреть себе в лицо.

Натали внезапно охватило желание выговориться, снять груз с плеч. Хоук молча выжидал, поглаживая её по рукам и спине.

Она справится.

— Я... просто я росла без отца. Всегда были только мы с мамой. Она родила меня всего в пятнадцать, и сначала я моталась по сиротским приютам, а потом она тяжёлым трудом собрала нам на квартирку. Мама всё время работала... в смысле, по семь дней в неделю. Но даже при этом вечно всего не хватало... еды, одежды, денег на оплату счетов. Мама говорила

мне снова и снова: «Не порть себе жизнь, так как я, не влюбляйся в парня, который сбежит при первом намёке на трудности. Ходи в школу, получи образование, найди хорошую работу». Горечь сделала её суровой, но всё же мама меня любила.

— Наверняка очень сильно любила, — прошептал он, воспользовавшись долгой паузой.

— Да, — вздохнула Натали. — Она старалась изо всех сил, и всё же, Хоук, у меня не было семьи. Не было никого, кроме мамы, а она помногу отсутствовала. Мы не отмечали праздники, и теперь я чувствую себя так, словно предаю её тем, что наслаждаюсь жизнью.

— Это потому, что ты добрая и привыкла заботиться о других. Знаешь, Натали, если мать тебя и впрямь любила, ей бы не захотелось, чтобы ты отказывалась от счастья. Разве не все родители желают детям лучшего, чем имеют сами?

— Не знаю, Хоук...

Простила бы ей мать то, что она отклонилась от целей? Натали, честно говоря, не знала.

— Лично я хочу своим детям счастья, — продолжал Хоук.

— У тебя есть несколько тайных детишек и ты их всё это время прятал? — Натали улыбнулась, изо всех сил стараясь побороть эту жалость к себе.

— Меня так просто не отвлечь. Позволь моей семье тебя любить. Не надо чувствовать себя виноватой, не надо этой грусти, просто позволь нам тебя любить.

Когда он сказал «нам», сердце Натали подскочило от радости. Но что именно Хоук имел в виду? Вопрос вертелся на языке, но храбрости его задать не хватало... пока не хватало. Затем, к её облегчению, Хоук после долгого молчания спросил, не нужно ли помочь уложить сумки. Их разговор был до поры до времени оставлен, и она его пережила. Кое-чем поделилась с Хоуком, и тот не отвернулся с отвращением, что, как ни крути, давало надежду. Возможно, им двоим удастся сделать так, что эти отношения протянут дольше, чем максимальные три свидания.

По пути через дом он вскинул глаза, улыбнулся и сообщил:

— У моей семьи есть домик в лесу. Каждое Рождество мы отмечаем там.

— Никогда не видела белого Рождества, — призналась Натали. Впрочем, раньше у неё даже не было возможности по-настоящему отметить этот праздник. — Я, можно сказать, приятно взволнована, хоть до сих пор ненавижу саму мысль о снеге в любой другой день, кроме Рождества.

— Давай закинем твои сумки в грузовик и поедem. После Рождества в нашем семейном домике ты больше никогда не будешь скучать по Калифорнии.

— Хоук, я и без того по ней не скучаю.

От улыбки, которую он ей послал, подсаживая в грузовик, сердце Натали чуть не остановилось.

— Натали Дункан, я не позволю тебе сбежать.

На этих словах Хоук захлопнул дверцу и, оставив Натали гадать, что имел в виду, пошёл в обход машины к месту водителя.

Несколько часов спустя, когда они уже прибыли, Натали поняла, что они с Хоуком по-разному понимают значение слова «домик». Конечно, здание было сложено из брёвен, но совсем не напоминало маленький домик в деревенском стиле, построенный посреди леса. Оно было огромным! Настолько большим, что места хватало нескольким семьям и даже всем их друзьям.

Что оказалось кстати, так как, когда Натали с Хоуком вошли в дверь, им показалось, что внутри чуть лине половина городка. В просторной гостиной собралось несколько десятков

людей, их голоса гулко звучали под высоким сводчатым потолком. Стены украшали рождественские венки, каждый гость держал кружку с эгг-ногом[2].

Когда Натали с Хоуком приехали, к её благодарности, никто не устроил из этого шума. Обоих просто поприветствовали эгг-ногом и приняли её, как свою. Вскоре она освоилась и поняла, что это не сон. А когда подошло время отправляться на охоту за рождественской ёлкой, уже радовалась, что не лишила себя возможности присоединиться к Хоуку, его семье и их многочисленным друзьям.

— Очень замёрзла?

Натали взяла Хоука под руку и прижалась немного теснее.

— Есть немного, но это бодрит. До сих пор не верится, что у меня впервые будет снежное Рождество!

— Расскажи мне больше о своей жизни в Калифорнии, больше о жизни с мамой.

Она всё же кому-то открылась, всё же поделилась маленьким кусочком своего прошлого, но теперь хочет поделиться всем. Только не сбежит ли Хоук в ужасе, если узнает правду — всю правду? Однако даже эта мысль, похоже, не в силах её удержать. Теперь, после того, как он открыл шлюзы её прошлого, слова буквально хлынули.

— Как ты знаешь, мать растила меня одна и подолгу отсутствовала, так что с самого детства я большую часть времени была предоставлена сама себе. Вот почему я полюбила школу — там можно было пообщаться с другими людьми.

— Ты была несчастлива? — Хоук, остановившись, прислонился к большому дереву и, заключив её в объятия, погладил по спине.

— Нет. Дело в том, что, хотя нам чертовски многого не хватало, я не чувствовала себя несчастливой и любила мать, даже в её худшие времена. Я любила те редкие мгновения, которые мы могли провести вместе. Не нуждалась в новёхоньких джинсах или поездке в летний лагерь. Когда мама умерла, меня это опустошило. Прошёл не один год, прежде чем я снова почувствовала себя живой. Она старалась изо всех сил...

— Натали, ты меня поражаешь.

— Почему?

— Потому что не цепляешься за плохие воспоминания. Тебе даже удалось найти способ превратить трудные времена в положительный опыт. От твоей позиции хочется склонить голову в уважении.

— Не такая уж я и замечательная, — неловко хихикнула она.

— Тут я вынужден не согласиться, — улыбнулся он, а затем подарил ей такой поцелуй, что расплавился покрывавший их снег.

— Я люблю свою семью, но от них порой устаёшь, — чуть позднее тем вечером пожаловался Хоук, когда они с Натали за руки прогуливались снаружи.

— Да, но я от всей души наслаждаюсь их обществом. Такое чувство, что мы с твоей матерью сегодня испекли по меньшей мере пятьсот рождественских печенек, — со смешком заметила Натали.

— Хочешь, покажу кое-что классное?

Они как раз приближались к большому красному амбару.

— Ещё бы.

Хоук открыл дверь, и они шагнули внутрь. Незаметно для Натали он повернулся и задвинул засов.

— Вон там. — Хоук повёл её через огромное здание.

В большом помещении за ещё одной дверью взгляду Натали открылась вишнёво-красная пожарная машина.

— Этой старушке семьдесят, и мы с отцом потратили десять лет, чтобы привести её в идеальное состояние. Обожаю её.

Он с видимым восхищением пробежался по сверкающему бамперу, и от этого незначительного жеста в животе у Натали сладко сжалось. Ей вспомнилась другая пожарная машина и первая ночь их любви.

С последней близости прошло уже несколько дней, и теперь, когда Натали узнала невероятную радость секса с Хоуком, ей больше ни секунды не хотелось оставаться без ощущения его ладони и... неважно...

Внезапно Хоук почти бесшумно зашёл сзади и за талию притянул её к себе.

— Хочешь, покажу, где впервые поцеловался?

При мысли, что он когда-то целовался с кем-то другим, Натали напряглась.

— Хоук! — прикрикнула она, сразу расхотев играть в игры, о которых подумывала ещё секунд десять назад.

— Ооо, пошли. Там очень классно.

— Честно говоря, у меня нет никакого желания смотреть, где ты целовался с какой-то дрянной девчонкой.

— Да ладно, неужто в пять лет можно быть такой уж дрянной?

— Вот как? В пять? — Она подозрительно прищурилась.

— Ну да, мне было пять, и я поцеловал Джо-Бет на сеновале, — гордо заявил он.

— А скольких ещё ты поцеловал на этом сеновале за прошедшие годы? — Натали совершенно не собиралась становиться одной из многих.

— Я поцеловал множество девушек на множестве сеновалов, но на этом, увы, только Джо-Бет.

— Хорошо. Показывай свой сеновал, но если думаешь получить от меня какие-то поцелуи, тебя ждёт глубокое разочарование.

Они вскарабкались по лестнице, и вдруг Хоук оказался сзади и потёрся носом Натали о шею.

— Я не буду с тобой целоваться, — снова предупредила она, но с придыханием, потому что его руки, проскользнув под блузку, коснулись голого живота.

— Почему? Тебе не нравится моё тайное убежище? — Он нежно куснул её в плечо и слегка погладил груди.

— Да.

Однако оба знали, Натали врёт, и она это только подтвердила, когда, прижавшись к нему спиной, потёрлась бёдрами, чтобы лучше ощутить эрекцию.

Скользнув по рёбрам Натали к молнии, Хоук нарочито медленно расстегнул на ней тугие джинсы, и она отбросила все попытки притворства.

— Да, Хоук. Поспеш.

Не став её разочаровывать, он рванул ткань вниз. Джинсы лужицей легли у ног и, отлетев на сено, стали отличной преградой между обнажённой кожей и колкой сухой травой, когда Хоук с Натали решили прилечь.

Не поворачивая её лицом к себе, Хоук раздвинул ей ноги, и, целуя в шею, запустил руку в шёлковые трусики. Натали была более чем готова.

— Мне нравится твоя отзывчивость, — простонал Хоук ей в ухо, и она затрепетала в ответ.

— У тебя хорошо получается меня зажечь.

— Ты меня вдохновляешь.

Сняв с неё блузку, он швырнул её в кучу одежды на полу, после чего отправил туда же лифчик. Дыхание Натали сбилось, руки Хоука бродили по всему телу.

— Ещё, — простонала она, когда Хоук ущипнул её твёрдые соски.

Оба опустились на колени. Он развернул Натали к себе и поцеловал, после чего немного отодвинулся и снял рубашку, явив взору неподобные кубики живота и до неприличия твёрдые грудные мышцы. Затем уверенными движениями расстегнув пуговицы пиринок, стащил с мускулистых ног собственные джинсы. Увидев любимую часть его тела, Натали часто задышала в предвкушении. Скоро, очень скоро эта налитая кровью плоть поднимет её к новым вершинам удовольствия.

Натали толкнула Хоука на спину, села ему на ноги и по сладким мускулам бёдер языком проложила дорожку к его мужественности. А затем, без колебаний обхватив твёрдое древко, опробовала на вкус. О боже...

— Натали, — простонал он.

Она не ответила, просто продолжала оглаживать и сосать набухший член. Через несколько минут Хоук её оттолкнул, его лицо побагровело, глаза стали дикими.

— Теперь ты, — рявкнул он, с лёгкостью опрокинув её на спину. — Держись!

«Держись за что?» — удивилась Натали, а потом уже больше не думала, потому что Хоук приподнял её за бёдра и тоже отведал, какова она на вкус. Вырывая из груди крики, умелый язык ласкал набухшую плоть, поднимая Натали на всё новые вершины наслаждения, и она мечтала о разрядке. Низкие стоны Хоука сливались с её возгласами в столь красивую музыку, что к глазам подступали слёзы.

Когда Натали сотряс первый взрыв удовольствия, она оседлала его волну и стала наслаждаться тем, как хорошо Хоук оттягивает оргазм и мастерски играет с её телом. Его ласки стали медленнее, и он пробормотал, что ему очень нравится, как она на них отвечает. Затем он внезапно передвинулся, и голодным, чуть ли не умирающим от голода взглядом окинул её порозовевшую кожу. А потом забрался на Натали и резко вошёл, и она криком поприветствовала это долгожданное вторжение.

— Ещё, — почти всхлипнула она, вонзив ногти в скользкую кожу его спины, когда он

отодвинулся и тут же снова толкнулся.

— Да, Натали. Покажи мне, как тебе хорошо... Не сдерживайся, — потребовал он.

Ну как она могла ему отказать? Тело знало, чего хочет, и когда Хоук снова толкнулся, она крепко вцепилась в него и зашлась в бурном экстазе. Вскоре последовал и ликующий крик Хоука.

— Я мог бы заниматься с тобой любовью всю ночь, — признался он, неспешно покрывая Натали нежными поцелуями, от которых в её желудке снова всё сладко замерло.

— Ты бы не услышал от меня никаких возражений, — хихикнула она.

Она улыбнулась, почувствовав, как он низко застонал ей в бедро. «Тпру. Невозможно.» Но Хоук продолжил доказывать, что не бросает слов на ветер...

Натали вскочила в постели и прижала к груди стёганое ватное одеяло, сердце её колотилось.

— Что такое? — Полусонный Хоук медленно сел рядом. Вряд ли им удалось отдохнуть больше нескольких часов.

— Слышал? — пытаюсь успокоиться, спросила она.

— Слышал что? — Его глаза всё ещё застилала дремотная пелена.

— И как ты так умеешь просыпаться от слабого зуммера пейджера, и вместе с тем беспробудно дрыхнуть, когда рядом будто взрываются бомбы?

— Не знаю. Просто со временем развивается способность не замечать определённые звуки, — криво усмехнулся он и принялся гладить её по ноге.

Дверь распахнулась, и Натали подскочила снова. С порога на них удивлённо глядела сестра Хоука. Как только она увидела Натали в комнате брата, возбуждение на её лице сменилось плутоватой улыбкой.

— Пошла вон, надоеда! — крикнул Хоук, а Натали попыталась спрятаться под одеялом.

Блин. Зря она согласилась на уговоры провести ночь у него в комнате.

— Даже не мечтай, Хоук, — усмехнулась Тейлор. — Сегодня рождественское утро, и я хочу открыть подарки. — Она скрестила руки на груди, насупилась и, топнув ногой, метнула на них мятежный взгляд.

— Тейлор, тебе больше не пять, а двадцать три, — напомнил Хоук.

— И ты старше пятилетки, достаточно взрослый, мог бы и догадаться поставить будильник. Знаешь ведь, что сегодня большой праздник. Мне всё равно сколько кому лет. Если тебе безразлично рождественское утро, ты попросту не человек. Кстати, Натали, привет!

Выкурили-таки.

Пунцовая от смущения Натали выглянула из-под одеяла:

— Привет, Тейлор! Пожалуйста, маме своей не говори, — прошептала она, хоть они с Хоуком и были взрослыми, мертвея от мысли, что Мэгги узнает о её ночёвке в комнате сына.

— Тогда спускайтесь-ка побыстрее к нам, — довольно ухмыльнулась Тейлор.

Натали с преогромной радостью сию минуту подчинилась бы требованию, но упрямые родственники ещё несколько мгновений играли в гляделки, вынуждая её крутить головой между братом и сестрой. В конце концов Хоук издал полный отращения вздох:

— Хорошо. Уже идём. Только отвернись на секунду, дорогая сестричка. — Он отбросил одеяло, натянул лежавшие поблизости спортивные штаны и встал.

От зрелища его обнажённой спины нижняя челюсть у Натали отвалилась, рот так и остался разинутым, и то, что штаны Хоука очень низко сидели на восхитительных бёдрах, отнюдь не помогало. Ну и что, что она много раз видела этого мужчину полуобнажённым? Он всё равно приводил её в благоговейный восторг.

— Закрой рот, Натали, а то муха залетит, — с шаловливой улыбкой пошутила Тейлор, после чего повернулась к ним спиной.

— Клянусь, ты не получишь от меня никаких подарков, если не исчезнешь прямо сейчас, — угрожающе шагнув к двери, предупредил Хоук.

— Ладно, но, если через пять минут вас не будет внизу, я вернусь. Более того, приведу

маму!

Хоук выставил сестру из комнаты и захлопнул дверь прямо у неё перед носом. Затем, повернувшись к Натали, подмигнул:

— Можем забаррикадироваться.

— Заманчиво... — И она действительно подумывала согласиться, но услышав, как по лестнице с грохотом спускаются ещё люди, со вздохом выбралась из кровати. — Нет. Лучше пойдём. — Подхватив с пола одежду, она побрела в смежную со спальней ванную комнату.

Незаметно проскользнуть к себе будет не так-то просто. Ну уж нет, сначала душ, а потом можно и попытаться.

Когда Натали вышла, Хоук за талию поднял её в воздух:

— Мне нравится, когда у тебя такие розовые щёчки.

— Прошло уже больше пяти минут, — прыснув, напомнила Натали. — Лучше пошли, а то за нами пришлют поисковый отряд.

Поцеловав, Хоук опустил её на ноги, и рука за руку они подошли к двери. А прямо за ней стояла Тейлор, и у неё был настолько возмущённый вид, что Натали, не выдержав, рассмеялась.

— Прости, Тейлор. Я приняла совсем быстрый душ.

— Большинство людей ждут, пока откроют подарки, и только потом идут в душ, — пробурчала Тейлор, но ради Рождества простила их обоих. И всё же вклинилась между ними, ведя вниз по лестнице.

Увидев в гигантской гостиной, посреди которой стояло большое дерево с такой кучей подарков, будто взорвался супермаркет, всю семью Хоука и некоторых из их друзей, Натали и сама невольно заразилась волнением.

Вскоре дом наполнился смехом, звуком рвущейся бумаги и благодарностями. Натали едва не расчувствовалась, когда к ней стали подталкивать подарок за подарком. Каждый она разворачивала неторопливо, не желая порвать обёртку, и мечтала, чтобы этот миг никогда не заканчивался.

Никогда, никогда в жизни, она не получала так много подарков и сейчас чувствовала себя виноватой потому, что не смогла отплатить этой удивительной семье тем же. Не предполагая встречать с ними Рождество, она всё же купила несколько мелочей, и собиралась вручить их после праздника. Но что дарить людям, у которых и так всего много? Когда ей кинули маленькую коробочку, все мысли Натали были заняты тем, как бы не испортить обёртку, и она не обратила внимания на воцарившуюся тишину.

Внутри упаковки оказалась маленькая коробочка для драгоценностей, и в предвкушении новой хорошенькой безделушки, Натали охватило безграничное счастье. Невозможно было не заметить лучезарное сияние этой улыбки. Однако, открыв коробочку и обнаружив внутри великолепное кольцо с бриллиантом, Натали чуть не выронила его из рук.

Она подняла глаза. Хоук выжидательно смотрел таким нежным любящим взглядом, что у неё подкосились бы ноги, если бы, на своё счастье, она уже не сидела на полу.

— Натали, знаю, это слишком быстро. Знаю, тебе сейчас страшно и, знаю, надо было сделать предложение без свидетелей... дать тебе возможность меня послать, если захочется. Но я люблю семью и хотел разделить это мгновение с ними. До нашей встречи я не мог даже представить, что однажды в моей жизни появится человек, к которому у меня возникнут такие чувства. И хотя прошёл всего месяц, я уже знаю тебя как никто другой, и в восторге от этого. То, что между нами, в сотню раз сильнее всего, что я испытывал прежде. Никогда бы

не подумал, что кто-то сделает меня таким счастливым. Как только вижу твою улыбку, я забываю обо всём плохом. Могу со стопроцентной уверенностью заявить, что ты моя половинка. У бога для каждого есть план, и я знаю, что ты — моё единственное будущее и, каким бы ни был твой ответ, я тебя не отпущу. Пожалуйста, стань моей женой и сделай меня счастливейшим человеком на свете.

Хоук продолжал смотреть ей прямо в глаза и, несмотря на то, что день за днём его поступки говорили о желании быть рядом, такого Натали не ожидала, но не потому, что он был её недостойн, а потому что сама была недостойна. По крайней мере, в собственных глазах. Она не знала, что сказать.

Да, их отношения развивались быстро, и да, следовало трезво всё взвесить, но, прокрутив последний месяц в голове, она поняла, что счастливее с ним, чем без него, и не важно где она: в школе, в спортивном зале или просто сидит дома у его родителей и играет в настольную игру. Их любовь только окрепнет со временем.

Этого не было в её планах. Даже близко не было, однако у любви свои планы. Теперь, после того, как они нашли друг друга, ничто не изменит их чувств. Ничто.

— Я тоже тебя люблю, Хоук, — прошептала она и даже не заметила, как дрожит её голос. — Мне нравится, что ты заботишься обо мне, принимаешь со всей моей незащищённостью и так далее. Нравится, что смотришь на меня иначе, чем я... что так высоко ставишь семью. А я хочу семью... просто всегда слишком боялась, чтобы о ней просить. Думала, вот план, и его надо придерживаться, но ты научил меня, что самое лучшее в жизни не происходит по плану, а просто на нас сваливается.

— Выйдешь за меня?

— Хоть сию минуту.

Когда Хоук подошёл к Натали и, подняв на ноги, ласково притянул к себе, скрепляя обещания нежным поцелуем, по комнате прокатились тихие вздохи. Отыскав Хоука и Натали в эти праздники, любовь завладела сердцами обоих, не собираясь их отпускать.

ДЕНЬ СВЯТОГО ВАЛЕНТИНА

— Итак, что теперь? — спросила Айлин.

— Не знаю, — шмыгнув носом, ответила Вефиль. — Нам бы следовало быть много счастливее. Потрясающая свадьба.

Мэгги со слезами на глазах улыбнулась в ответ.

— Кажется, Хоук и Натали сделают друг друга очень счастливыми.

— Ну да, — встрял Мартин. — Куда же они денутся.

Даже его голос немного прерывался от волнения.

— Однако я уже начинаю скучать, — надулась Вефиль.

— Ну, Хоук не единственный холостой мужчина в городе, — напомнила Айлин.

— И то верно, — сразу повеселела Вефиль.

— Моим парням уже давно пора подыскать жён, — подсказал Мартин.

— Не могу не согласиться, — с нездоровым воодушевлением ответила Мэгги.

— Только я не знаю с чего начать, — продолжил Мартин.

— Зато я знаю. С Натали сработало лучше некуда, правда, учительниц нам больше не нужно, — вклинилась Айлин.

Все четверо сидели за большим столом и смотрели, как Хоук с Натали, прижавшись друг к другу, танцуют под лиричную мелодию-кантри.

— Я давно готов женить Джексона, но этот парень боится обязательств, как змеи с двумя головами, — проворчал Мартин.

— Как мы можем это изменить? — спросила Вефиль.

— Я в растерянности. Просто не знаю... — вздохнул Мартин.

— Что ж, он ведь едет в Париж. Может, закрутит там с кем-нибудь роман? — предположила Айлин.

— Это город любви, — добавила Мэгги.

— Нам нужна помощь! — решительно сказала Вефиль.

— Видимо, пора звать Джозефа, — ухмыльнулся Мартин.

— Давненько не было этого старого негодника, — заметила Айлин. — Чем теперь занимается Джозеф Андерсон?

— Насколько знаю, ухитрился обзавестись большой семьёй. Он мне немного рассказывал, как всё было. Без его вмешательства не обошлось, — сказал Мартин.

— Ну что ж, давайте ему позвоним! — Айлин вынула мобильный телефон и нашла номер Андерсона в списке контактов.

— Алло?

На другом конце линии прогремел голос Джозефа Андерсона, и вмешательство в жизни других людей началось...

КОНЕЦ

Больше книг на сайте - Knigolub.net

[1] Плейстоцен — эпоха четвертичного периода, начавшаяся 2,588 миллиона лет назад и закончившаяся 11,7 тысяч лет назад.

[2] Эгг-ног — сладкий хмельной напиток на основе сырых куриных яиц и молока. Является традиционным рождественским напитком.